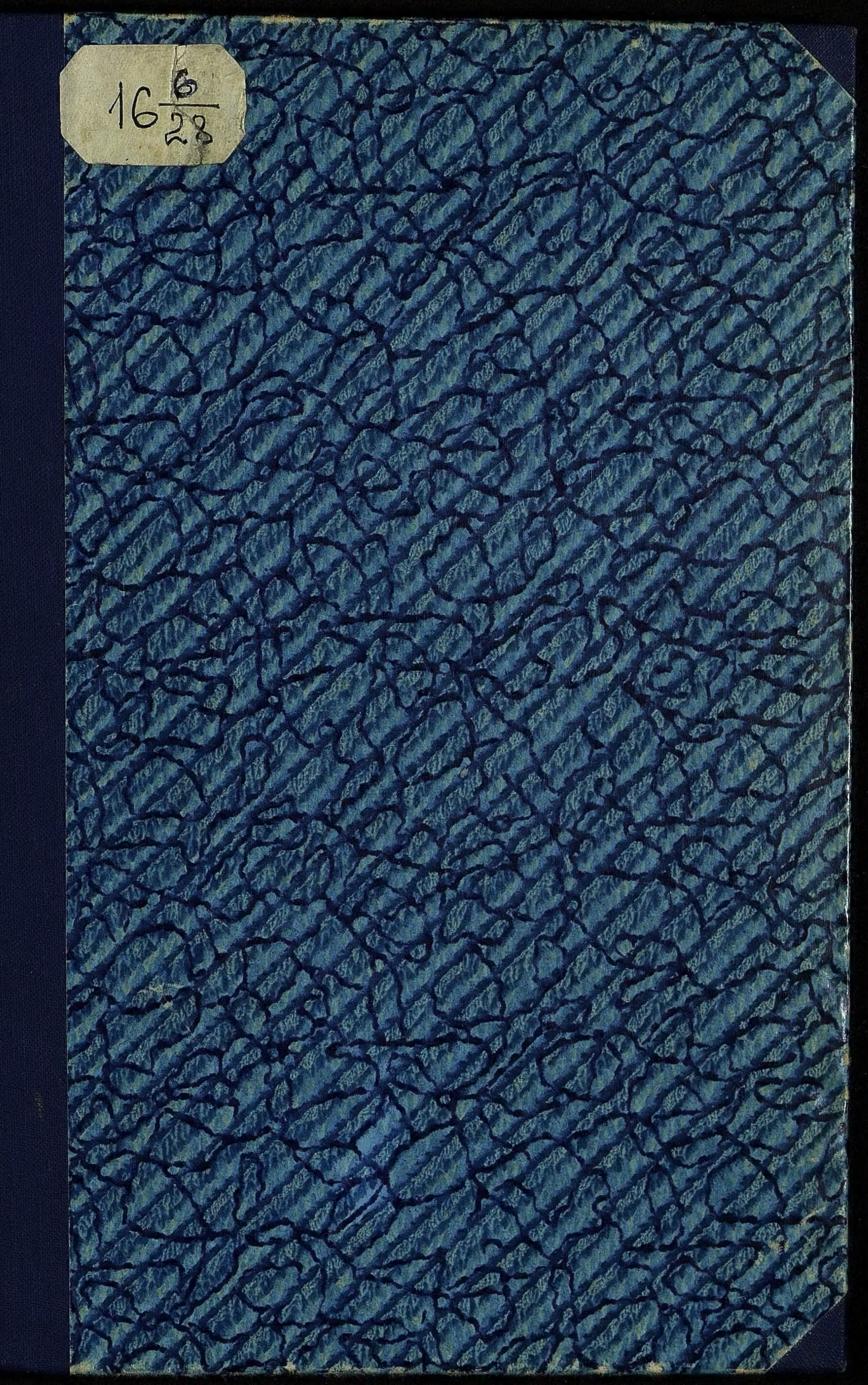
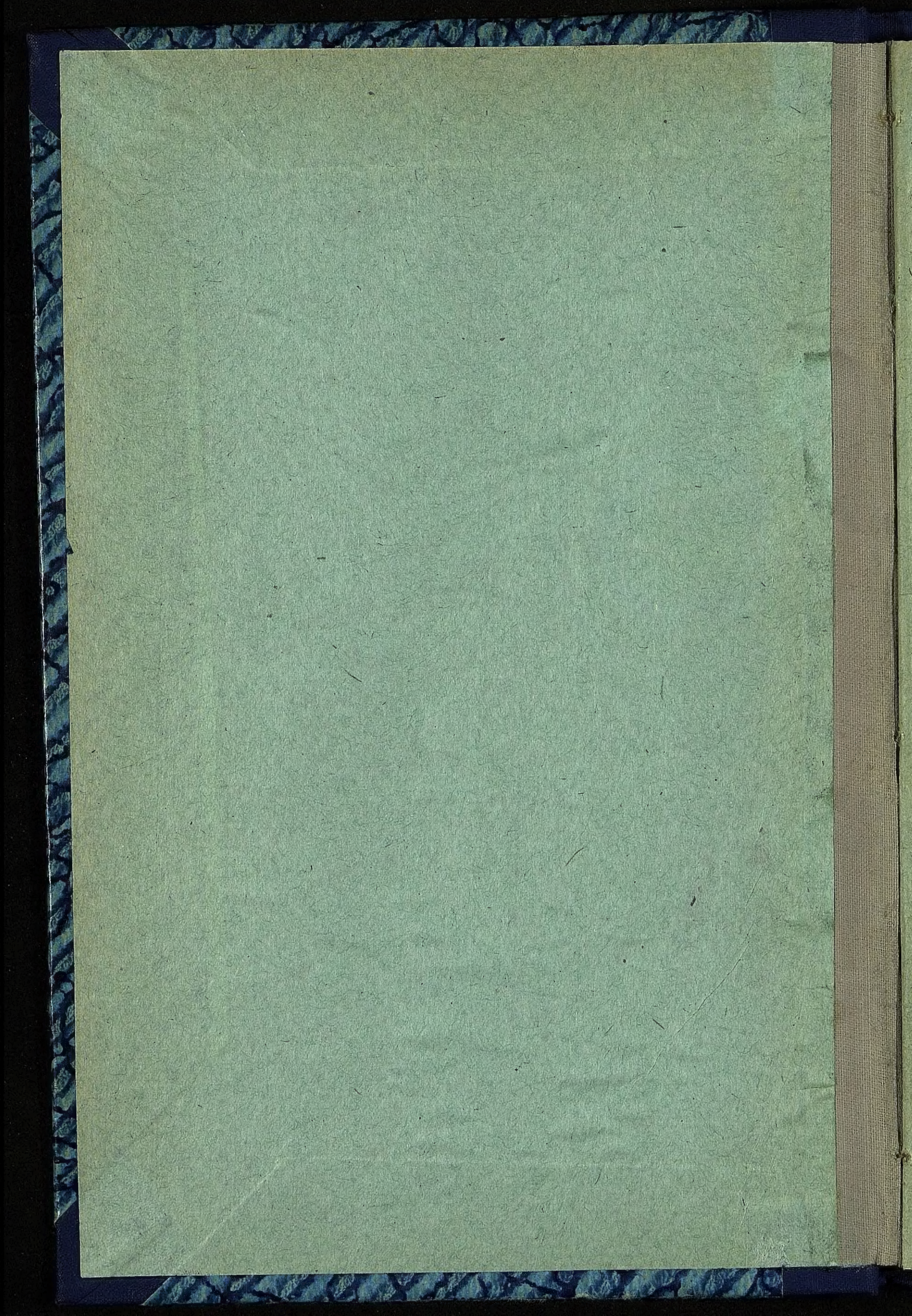
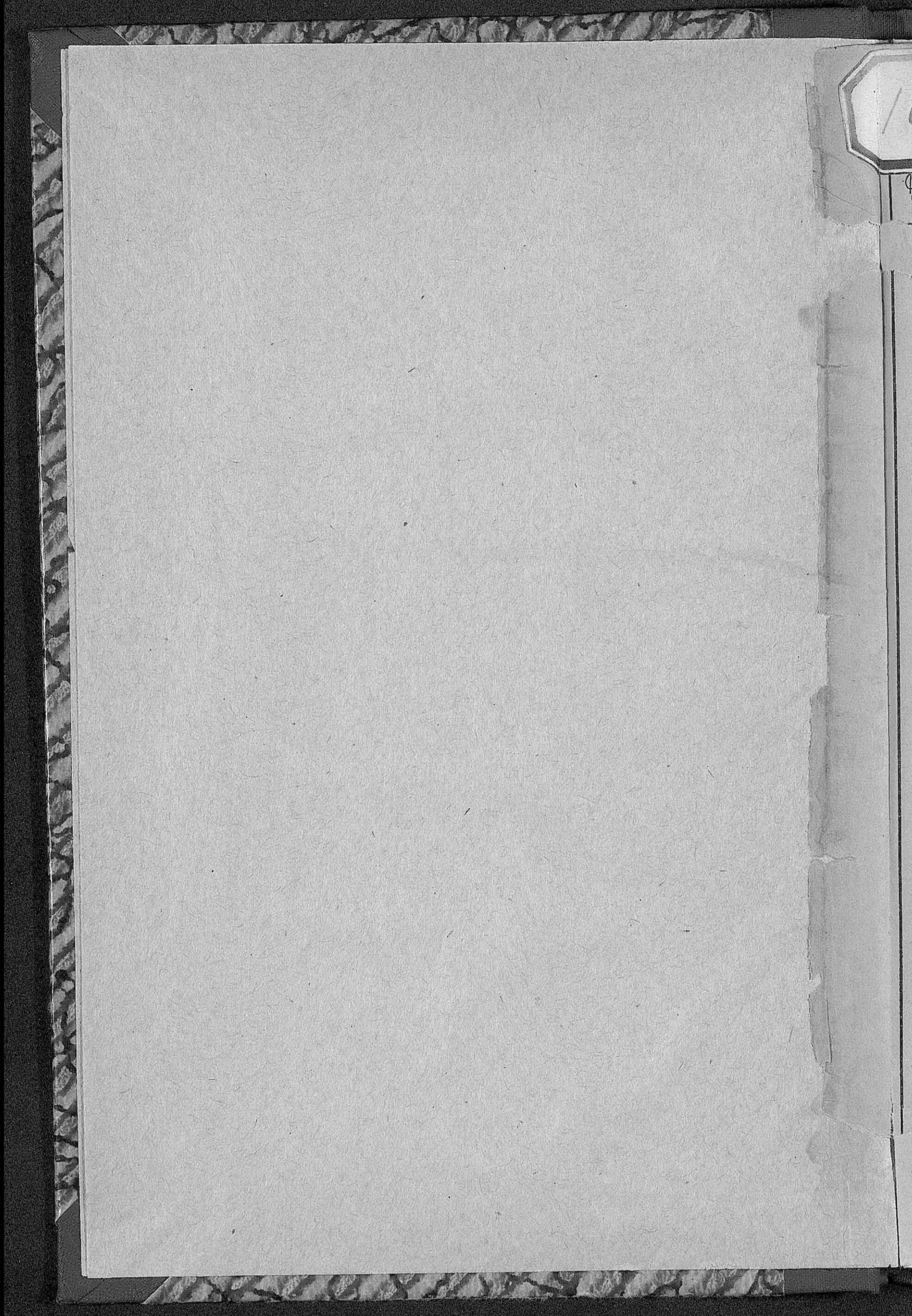

16 6/28

Петру Ивановичу Бартеневу
от автора

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ

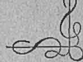
ЖИВАГО ВЕЛИКОРУСКАГО ЯЗЫКА,

В. И. ДАЛЯ.

ЗАПИСКА

Я. К. ГРОТА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1870.

10 список

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ

ЖИВАГО ВЕЛИКОРУСКАГО ЯЗЫКА,

В. И. ДАЛЯ.

ЗАПИСКА

Я. К. ГРОТА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1870.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Январь 1870 г.

Непремѣнный Секретарь *К. С. Веселовскій.*

ОТЧЕТЪ
О ЧЕТВЕРТОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ ЛОМОНОСОВСКОЙ ПРЕМИИ,

читанный въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1869 года академикомъ Я. К. Гротомъ.

Толковый Словарь живаго великорускаго языка, В. И. Даля. Четыре части въ большую четвертку; LIV *и* 2388 *стр.* (*не считая прибавленій*). Москва 1863—1868.

Чтобы лучше выяснить идею и цѣль Словаря г. Даля, нужнымъ считаю напередъ взглянуть на ходъ развитія русскаго письменнаго и вообще образованнаго языка.

Русскій языкъ не избѣгъ судьбы большей части языковъ: въ различныхъ соприкосновеніяхъ съ другими націями народъ русскій, особливо же грамотная часть его, заимствовалъ у нихъ множество словъ, которыя болѣе или менѣе тѣсно и прочно сроднились съ его языкомъ. Такія заимствованія происходятъ во всякое время, по мѣрѣ потребности, вслѣдствіе усвоенія извнѣ новыхъ понятій и знакомства съ новыми предметами; но бываютъ эпохи, когда заимствуются цѣлыя сферы новыхъ идей, а оттого и цѣлые разряды словъ. Подобныхъ эпохъ въ жизни русскаго народа было нѣсколько. Оставляю въ сторонѣ заимствованія, сдѣланныя издревле, во время вѣковаго сожительства или сосѣдства съ племенами германскими, чудскими и татарскими, которое влекло за собою обмѣнъ предметовъ вседневнаго быта и ихъ названій: разумѣю только такіе событія или перевороты, которые, пробуждая неизвѣстныя прежде духовныя потребности, заставляли брать и готовыя слова для означенія соотвѣтственныхъ понятій. Главны-

ми событіями этого рода были для Россіи: введеніе христіанской вѣры, учрежденіе школъ по польскому образцу, сперва въ Кіевѣ, а потомъ въ Москвѣ, и наконецъ преобразованія Петра Великаго со всѣми ихъ, еще и понынѣ продолжающимися, послѣдствіями. Естественно, что при заимствованіи извнѣ понятій, обычаевъ, обрядовъ, изобрѣтеній и учрежденій, языку трудно поспѣвать за развитіемъ идей, и онъ пользуется самымъ легкимъ способомъ обогащенія, т. е. беретъ нужныя слова изъ другихъ языковъ. При этомъ, однакожъ, онъ слѣдуетъ троякому пути: либо усвоиваетъ себѣ чужія слова безъ всякаго измѣненія (кромѣ окончанія, по законамъ языка), напр. библія, икона, генералъ, солдатъ, протестъ, прогрессъ; либо передѣлываетъ ихъ по-своему, напр. церковь, налой, кадило, просвира, исполать, футляръ, тарелка; либо наконецъ переводитъ слова и употребляетъ словосоставленія по чужеязычному образцу, напр.: благословлять, провидѣніе, побѣдоносный, землеописаніе, любомудріе, вліяніе, трогательный, последовательность, цѣлесообразный.

Удобство подобныхъ заимствованій, особенно перваго изъ показанныхъ трехъ способовъ, допускающаго введеніе любаго иностраннаго слова съ придачею ему только своенароднаго окончанія, во всѣ времена легко порождало злоупотребленія, которыя въ свою очередь нерѣдко вызывали противодѣйствіе. Полнѣйшую свободу въ этомъ отношеніи позволялъ себѣ самъ Петръ Великій, безпрестанно употреблявшій (иногда съ обозначеніемъ русскаго перевода) иностранныя слова, какъ-то: баталія, викторія, фортеція, ассамблея, амбиція, имперіумъ, и составлявшій въ томъ же духѣ собственныя имена: Петербургъ, Кронштадтъ, Ораніенбаумъ, Катерингофъ. Такъ-же точно обращались съ языкомъ современные Петру писатели и переводчики. Во время господства иноплеменниковъ, наставшаго послѣ смерти Петра, дѣло не могло измѣниться къ лучшему. При Елизаветѣ же Петровнѣ произошло патріотическое движеніе, которое въ литературѣ отразилось дѣятельностью Ломоносова. Главный протестъ противъ искаженія языка заявилъ онъ въ своемъ знаменитомъ разсужденіи

«О пользѣ книгъ церковныхъ», указывая на чтеніе ихъ какъ на вѣрнѣйшее средство уберечься отъ излишняго пристрастія къ иноземнымъ языкамъ. «Старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго Словенскаго языка съ Россійскимъ», говоритъ онъ, «отвратятся дикія и странныя слóва нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ..... Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ и къ упадку преклоняютъ. Сіе все показаннымъ способомъ пресѣчется» [1]... Но Ломоносовъ, очищая лексическій составъ письменнаго языка, вмѣстѣ съ тѣмъ надолго утвердилъ введенную еще до него духовными писателями совершенно-несвойственную русской рѣчи латинскую конструкцію. Послѣдователи Ломоносова, проникнувшись его уваженіемъ къ церковно-славянскимъ книгамъ, но не обладая его сдержанностью въ обращеніи съ языкомъ, обезобразили письменную рѣчь злоупотребленіемъ славянизмовъ. Это вызвало другую крайность: тѣ, которыхъ не удовлетворялъ такой слогъ, обратились къ новѣйшимъ иностраннымъ языкамъ и стали особенно искать себѣ образцовъ во французскомъ. Такъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, рядомъ съ языкомъ славяномановъ образовался, въ противоположность ему, «французскій штиль», и явились двѣ враждебныя школы, которыя не могли долго существовать одна возлѣ другой. Побѣдить должна были та изъ нихъ, на сторонѣ которой окажется болѣе здраваго смысла, вкуса и таланта. Эти преимущества соединилъ въ себѣ Карамзинъ: чуждаясь крайностей того и другаго направленія, но склоняясь ко второму, болѣе современному, онъ удержалъ изъ него все то, что было согласно съ духомъ роднаго слова, сталъ писать очищеннымъ разговорнымъ языкомъ, усвоилъ себѣ естественный складъ рѣчи и вмѣстѣ то изящество выраженія, которому научился у лучшихъ европейскихъ писателей. Понятно,

---

[1]) *Соч. Ломоносова,* изд. Смирд. Спб. 1847, т. I, стр. 533.

что приверженцы славянщины не хотѣли безъ отчаянной борьбы уступить непріятелю спорное поле, и вотъ изъ рядовъ ихъ вышелъ рьяный борецъ за сохраненіе стараго слога. Шишковъ не хотѣлъ видѣть, что Карамзинъ и лучшіе изъ его послѣдователей, не изгоняя вполнѣ иностранныхъ словъ, вводя даже вновь такія, которыя казались имъ необходимыми, старались однакожъ избѣгать варваризмовъ и по возможности замѣнять русскими тѣ иноязычныя слова, для которыхъ можно было на родномъ языкѣ удачно пріискать соотвѣтствующія. Хотя въ сущности всѣ нововведенія карамзинской школы были равно ненавистны Шишкову, но онъ напалъ на нее особенно съ той стороны, съ которой она казалась ему всего болѣе уязвимою, именно со стороны заимствованій изъ другихъ новѣйшихъ языковъ. Осмѣивая встрѣчавшіяся въ *новомъ слогѣ* французскія слова, Шишковъ преслѣдовалъ и вообще всякіе неологизмы, напр. слова, составленныя по образцу иностранныхъ (*вліяніе*, *трогательный*), а также употребленіе прежнихъ словъ въ новомъ обширнѣйшемъ значеніи (*развитіе*, *потребность*, *переворотъ*) и вмѣсто того предлагалъ древнія слова, непонятныя современному русскому человѣку и дикія для его слуха, а потому самому противныя даже ломоносовской теоріи письменнаго языка, какъ напр. непщевать, гобзованіе, углѣбать, приснотекущій, умодѣліе и т. п. Извѣстно, что нападенія Шишкова на новый слогъ имѣли только отрицательное дѣйствіе: ни одно изъ предложенныхъ имъ старинныхъ или имъ самимъ скованныхъ словъ и реченій не было принято, никто не сталъ выражаться такъ, какъ онъ совѣтовалъ; но его обвиненія заставили Карамзина и другихъ тогдашнихъ писателей обращать болѣе вниманія на свой письменный языкъ, быть осмотрительнѣе въ употребленіи иностранныхъ словъ и оборотовъ. Мало того: Карамзинъ, трудясь надъ своей *Исторіей*, сталъ глубже всматриваться въ языкъ лѣтописей и изъ него почерпать архаизмы, конечно не похожіе на тѣ, которые предлагалъ Шишковъ, но болѣе сообразные съ духомъ современнаго языка.

Однимъ только источникомъ литературной рѣчи мало вос-

пользовался Карамзинъ — языкомъ народнымъ. Вслѣдствіе своего воспитанія и подъ вліяніемъ господствовавшаго издавна взгляда онъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ смотрѣлъ на эту область языка и считалъ простонародныя слова низкими или, какъ до него говорили, *подлыми*. Впрочемъ, сочиненія Карамзина большею частью относились къ такому роду литературы, который легко можетъ или, по крайней мѣрѣ, по тогдашнимъ понятіямъ могъ обходиться безъ помощи языка народнаго. Притомъ онъ еще не имѣлъ въ рукахъ памятниковъ этого языка, открытыхъ только въ позднѣйшее время. Какъ бы ни было, однакожъ и этотъ элементъ рѣчи никогда не былъ вполнѣ исключенъ изъ нашей письменности. Еще въ древности нѣкоторые писатели, напр. Кириллъ Туровскій, Даніилъ Заточникъ, брали оттуда краски для своихъ произведеній. Послѣ Петра Великаго особенно Кантемиръ зналъ цѣну народной рѣчи и умѣлъ ею пользоваться. Ломоносовъ, раздѣливъ слогъ на три разряда, установилъ, что *низкій штиль* употребляетъ только чисто-русскія слова, какихъ нѣтъ въ церковныхъ книгахъ; по его теоріи, такъ пишутся: комедіи, эпиграммы, пѣсни; въ прозѣ дружескія письма и описанія обыкновенныхъ дѣлъ; «простонародныя слова», замѣчаетъ онъ, «могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію» [1]). Впрочемъ Ломоносовъ допускаетъ «низкія слова» уже и въ среднемъ слогѣ. Самъ же онъ изрѣдка позволяетъ себѣ даже и въ одѣ употреблять простонародныя выраженія; такъ въ одѣ на взятіе Хотина послѣ вопроса:

«Кто съ нимъ толь грозно зритъ на югъ,
Одѣянъ страшнымъ громомъ вкругъ?»

слѣдуетъ стихъ въ тонѣ народнаго языка:

«*Никакъ* смиритель странъ Казанскихъ!» [2])

Послѣ Ломоносова народный языкъ разработывали, по мысли его, въ комедіи, сатирѣ, шуточной сказкѣ и баснѣ. Въ такихъ

---

[1]) *Соч. Лом.*, т. I, стр. 531.
[2]) Тамъ же, стр. 38 (строфа 11).

сочиненіяхъ къ нему прибѣгали Сумароковъ, В. Майковъ, Богдановичъ, фонъ-Визинъ, Аблесимовъ, Княжнинъ и др. Изъ лирическихъ поэтовъ Державинъ, выросшій вблизи къ народу, сталъ вводить народный языкъ даже въ такой родъ стихотворства, который до него считалъ «высокій слогъ» своею необходимою принадлежностью; эта новость была въ связи съ тѣмъ, что онъ внесъ въ оду элементъ сатиры и шутки. Позднѣе, еще болѣе простора народному языку въ письменной рѣчи сталъ давать Крыловъ. О его раннемъ знакомствѣ съ этой сферой языка разительно свидѣтельствуетъ юношеское его произведеніе, недавно въ первый разъ изданное нашимъ Отдѣленіемъ, — комическая опера *Кофейница*, богатая выраженіями и поговорками, взятыми изъ народнаго быта [1]. Во всѣхъ дальнѣйшихъ трудахъ своихъ Крыловъ оставался вѣренъ этому направленію, и потому неудивительно, что онъ, издавая журналъ въ одно время съ Карамзинымъ, сдѣлался противникомъ его. Замѣчательно, какъ оба эти писателя впали въ противорѣчіе съ самими собою: Крыловъ, отличаясь безыскусственною простотою языка, былъ усерднымъ защитникомъ ложно-классической французской драмы; а Карамзинъ, считая простонародное низкимъ, былъ смолоду горячимъ почитателемъ Шекспира и Лессинга. Но Крыловъ долго не могъ попасть на вкусъ современниковъ и, прежде нежели понялъ настоящее свое призваніе, на многіе годы оставилъ литературу.

Между тѣмъ проза Карамзина стала для всѣхъ образцомъ письменнаго языка. На ней построена была грамматика Греча, получившая на цѣлыя десятилѣтія законодательную силу. Авторитетъ этой, во многомъ произвольной и условной грамматики имѣлъ свою вредную сторону, задержавъ развитіе литературной рѣчи, скованной ея стѣснительными правилами. Въ 1820-хъ и 30-хъ годахъ надъ нашимъ языкомъ тяготѣло что-то похожее на пуризмъ Французской Академіи. Свободное его творчество было подавлено. Немногіе только писатели отваживались идти

---

[1]) См. т. VI *Сборника Отдѣл. Русск. языка и Словесн.*

своимъ путемъ. Первое между ними мѣсто занималъ возвратившійся на литературное поприще въ началѣ столѣтія Крыловъ; но онъ писалъ только басни, а эта тѣсная область поэзіи считалась состоящею на особыхъ правахъ. Одновременно въ другой сферѣ умственной дѣятельности подготовлялось движеніе, которое не могло остаться безъ вліянія на успѣхи народнаго языка въ художественной литературѣ. То, что во всѣхъ странахъ являлось предвѣстьемъ самостоятельнаго творчества, стало обнаруживаться и у насъ, — уваженіе къ народности, вкусъ къ произведеніямъ народной словесности, охота къ собиранію и записыванію ихъ. Въ 1804 г. изданы были въ первый разъ «древнія русскія стихотворенія»; Мерзляковъ, а за нимъ Дельвигъ и Цыгановъ сочиняли пѣсни въ духѣ народныхъ; Востоковъ переводилъ пѣсни Сербовъ и разбиралъ составъ русскаго народнаго стиха; собранія пословицъ выходили уже давно; Снегиревъ задумывалъ ученую разработку ихъ и пролагалъ путь Сахарову. Общество любителей Россійской словесности, въ Москвѣ, собирало и печатало областныя слова. Возникавшая любовь къ народности, которая вызывала всѣ эти начинанія и труды, не могла не отразиться и на изящной литературѣ. Рядомъ съ Крыловымъ, и конечно не совсѣмъ независимо отъ его вліянія, пошелъ Грибоѣдовъ въ своей оригинальной комедіи. Въ то же время Пушкинъ уже заявлялъ, что «разговорный языкъ простаго народа достоинъ глубочайшихъ изслѣдованій» и доказывалъ на дѣлѣ, что самъ «прислушивался къ московскимъ просвирнямъ», которыя, по его замѣчанію «говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ [1])». А вскорѣ и своенравный Гоголь сталъ писать прозою, хотя и небрежной, но замѣчательно оригинальной и рѣзко запечатлѣнной особенностями рѣчи народной. Около того же времени услышали въ первый разъ имя еще довольно молодаго человѣка, избравшаго область литературы, которая до тѣхъ поръ не имѣла у насъ особаго представителя, — разсказы изъ быта народнаго и солдатскаго.

---

[1]) *Соч. Пушкина*, томъ V, Спб. 1855 г., стр. 43.

Это былъ тотъ самый писатель, который нынѣ трудомъ совершенно другаго рода подаетъ намъ поводъ говорить о судьбахъ русскаго языка.

Стараясь быть вѣрнымъ пересказчикомъ народныхъ вымысловъ, онъ въ то же время хотѣлъ доказать, что вся пишущая братья выражается совсѣмъ не по-русски, что надобно перестроить весь литературный языкъ по образцу народнаго. Въ оцѣнкѣ послѣдняго никто еще не шелъ такъ далеко. До г. Даля были конечно писатели, считавшіе полезнымъ и нужнымъ знакомство съ народнымъ языкомъ для извѣстныхъ литературныхъ цѣлей: г. Даль первый сталъ утверждать, что безъ народнаго языка нельзя ступить ни одного правильнаго шагу въ авторскомъ дѣлѣ. Естественно, что онъ, отстаивая эту идею, не избѣгъ нѣкоторыхъ крайностей. Какъ нѣкогда Шишковъ провозглашалъ церковно-славянское нарѣчіе исключительнымъ источникомъ обогащенія русскаго языка, такъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ г. Даль выставлялъ такимъ единственнымъ источникомъ языкъ народный. «Если», говорилъ онъ, «въ книгахъ и высшемъ обществѣ не найдемъ чего ищемъ, то остается одна только кладь или кладъ — родникъ или рудникъ — но онъ за то неисчерпаемъ. Это живой языкъ русскій, какъ онъ живетъ понынѣ въ народѣ. *Источникъ одинъ* — языкъ простонародный, а важныя вспомогательныя средства: старинныя рукописи и всѣ живыя и мертвыя славянскія нарѣчія [1])». Подобно Шишкову, г. Даль составлялъ новыя слова, предлагая ихъ для замѣны или дополненія прежнихъ, и въ этомъ не всегда былъ счастливѣе Шишкова. Но, показавъ точку сближенія между обоими писателями, спѣшу однакожъ оговориться: путь, избранный г. Далемъ, былъ прямѣе и безукоризненнѣе: г. Даль не велъ пристрастной полемики, не ставилъ того или другаго писателя цѣлью своихъ нападеній, никого не винилъ въ безвѣріи и недостаткѣ патріотизма за употребленіе иностранныхъ словъ и наконецъ

---

[1]) «Полтора слова о нынѣшнемъ русскомъ языкѣ», *Москвит.*, 1842, ч. I, стр. 540.

старался доказать свою теорію болѣе дѣломъ, нежели разсужденіями: онъ писалъ народнымъ языкомъ повѣсти и разсказы, заимствованные у народа. Эти произведенія, по собственному его свидѣтельству, составляли для него не цѣль, а средство. «Не сказки по себѣ», говоритъ онъ, «были ему важны, а русское слово, которое у насъ въ такомъ загонѣ, что ему нельзя было показаться въ люди безъ особаго предлога и повода — и сказка послужила предлогомъ. Писатель задалъ себѣ задачу познакомить земляковъ своихъ сколько-нибудь съ народнымъ языкомъ и говоромъ, которому открывался такой вольный разгулъ и широкій просторъ въ народной сказкѣ» [1]). Предупреждая мысль, будто онъ ставитъ свои сказки въ примѣръ слога и языка, г. Даль далѣе прибавляетъ: «онъ *(сказочникъ)* хотѣлъ только на первый случай показать небольшой образчикъ — и право не съ хазоваго конца — образчикъ *запасовъ*, о которыхъ мы мало или вовсе не заботились, между тѣмъ какъ, рано или поздно, безъ нихъ не обойтись».

Такимъ образомъ мы видимъ, что словарь г. Даля тѣсно примыкаетъ къ прочимъ трудамъ его и есть плодъ той же идеи, изъ которой проистекло все его авторство; на прежнія произведенія его должно смотрѣть только какъ на приготовительныя работы къ дѣлу, которымъ онъ завершилъ свою дѣятельность на пользу языка. Если мы вспомнимъ, что г. Даль началъ свои наблюденія надъ нимъ еще до 1820 года, когда ему было не болѣе 18-ти лѣтъ отъ роду, то нельзя будетъ не подивиться, какъ счастливая мысль отмѣчать простонародныя выраженія могла зародиться въ головѣ столь молодаго человѣка въ такое время, когда у насъ, вообще говоря, еще мало обращали вниманія на народную словесность. Желая дать возможность полнѣе и вѣрнѣе судить о разсматриваемомъ трудѣ, предложу нѣсколько собранныхъ мною и до сихъ поръ нигдѣ не напечатанныхъ біографическихъ извѣстій объ авторѣ. Это кажется мнѣ тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что

---

[1]) Тамъ же, стр. 549 и 550.

рѣчь идетъ не о начинающемъ литераторѣ, а о писателѣ, давно пользующемся у насъ почетною извѣстностью.

Вл. Ив. Даль родился 10-го ноября 1801 года въ Лугани (Екатериносл. губ.), гдѣ отецъ его, родомъ датчанинъ, занималъ мѣсто врача по горному вѣдомству. Этотъ ученый иностранецъ, принявъ въ 1797 г. русское подданство, горячо полюбилъ новое свое отечество, изучилъ русскій языкъ какъ родной и воспитывалъ дѣтей своихъ въ патріотическомъ духѣ, при всякомъ случаѣ напоминая имъ, что они Русскіе: въ 12-мъ году онъ жалѣлъ, что они еще слишкомъ молоды и негодны для службы. Самъ онъ въ молодости кончилъ курсъ въ германскомъ университетѣ по двумъ или тремъ факультетамъ и зналъ нѣсколько языковъ; онъ былъ вызванъ въ Россію въ концѣ царствованія Екатерины II на службу при Публичной библіотекѣ. Замѣтивъ въ Петербургѣ, что у насъ слишкомъ мало врачей, онъ отправился опять за-границу, изучилъ медицинскія науки и, воротясь въ Россію, женился на дочери той г-жи Фрейтахъ, которая переводила на русскій языкъ Геснера и Ифланда[1]). Въ качествѣ врача онъ сперва состоялъ при войскѣ, расположенномъ въ Гатчинѣ, потомъ перешелъ въ Петрозаводскъ, а оттуда въ тотъ южный городъ, по имени котораго, какъ своей родины, Владиміръ Ивановичъ принялъ впослѣдствіи столь памятный псевдонимъ *Казака Луганскаго*. Изъ Лугани отецъ его былъ переведенъ главнымъ докторомъ и инспекторомъ Черноморскаго флота въ Николаевъ. Отсюда, въ 1814 г., отправилъ онъ двухъ сыновей своихъ въ Морской корпусъ. Пробывъ тамъ пять лѣтъ, Вл. Ив. поѣхалъ мичманомъ обратно въ Николаевъ. Къ морской службѣ онъ не чувствовалъ никакого призванія, тѣмъ болѣе, что не переносилъ качки въ морѣ; но, получивъ воспитаніе на казенный счетъ, онъ долженъ былъ поневолѣ оставаться морякомъ: попытки его перейти въ инженеры, въ артиллерію или хоть въ армію были безуспѣшны. По кончинѣ отца, переведенный въ Кронштадтъ (1823), онъ въ отчаяніи не зналъ, что дѣлать. Между

[1]) См. Смирдинскую *Роспись*, №№ 7207 и 7268.

тѣмъ мать его съ младшимъ сыномъ уѣхала въ Дерптъ для воспитанія его и, по ея вызову, Вл. Ив., выйдя въ отставку, отправился туда же. Тамъ онъ снова принялся за ученіе и въ 1825 г. поступилъ въ казеннокоштные студенты по медицинскому факультету. Но прежде нежели онъ успѣлъ кончить курсъ, вспыхнула война 1829 г., и всѣхъ студентовъ, годныхъ къ военной службѣ, велѣно было выслать въ армію. Г. Даль попалъ въ число троихъ, которымъ позволили тутъ же держать экзаменъ на доктора. До 1832 г. онъ находился въ Турціи и Польшѣ и много занимался операціями; потомъ поѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ и здѣсь былъ назначенъ ординаторомъ военнаго госпиталя. Вступленіе его на литературное поприще въ 1833 г. съ книжкою сказокъ ознаменовалось прискорбнымъ обстоятельствомъ, которое однакожъ много способствовало къ быстрому распространенію извѣстности новаго автора. За одно превратно растолкованное мѣсто этой книги онъ подвергся аресту, и хотя вскорѣ былъ вполнѣ оправданъ, но долго не могъ являться въ литературѣ подъ своимъ именемъ. Черезъ нѣсколько времени Вас. Ал. Перовскій пригласилъ его въ Оренбургъ чиновникомъ для особыхъ порученій; въ 1841 г., отходивъ хивинскій походъ, г. Даль переѣхалъ въ Петербургъ на службу по министерству удѣловъ, а потомъ и внутреннихъ дѣлъ. Послѣднія десять лѣтъ своего служебнаго поприща, съ 1849 г., онъ провелъ въ Нижнемъ управляющимъ удѣльной конторы. Въ 1859, вышедъ въ отставку и поселившись въ Москвѣ, онъ рѣшился посвятить все свое время составленію и изданію давно-подготовляемаго имъ словаря. Во всю свою жизнь В. И. не пропускалъ случаевъ поѣздить по Россіи и знакомиться съ бытомъ народа: смѣсь французскаго съ нижегородскимъ была ему ненавистна почти съ самаго дѣтства. Обстоятельства особенно благопріятствовали удовлетворенію его любознательности: служа во флотѣ, а потомъ завѣдывая больницей, онъ имѣлъ возможность обращаться съ людьми изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Россіи и разспрашивать ихъ объ особенностяхъ языка въ каждой. Этимъ способомъ онъ могъ значительно дополнить и

расширить свѣдѣнія, добытыя имъ пребываніемъ въ разныхъ краяхъ отечества. Разнородность службы, которую онъ проходилъ, а сверхъ того любимыя занятія по естественнымъ наукамъ и нѣкоторымъ ремесламъ позволили ему охватить обширный и многообразный кругъ человѣческихъ знаній и нагляднаго знакомства съ бытомъ разныхъ состояній и сословій.

Въ 1819 г., проѣзжая по Новгородской губ. на пути въ Николаевъ, Даль услышалъ въ первый разъ слово *замолаживаетъ* (говорится о небѣ, въ смыслѣ *заволакиваетъ*, по сравненію съ начинающимъ бродить тѣстомъ). Записавъ это слово, онъ положилъ чуть ли не первый камень будущаго словеснаго зданія, и уже не пропускалъ дня, чтобы не вносить въ свои замѣтки новаго слова, оборота, поговорки. Ко времени турецкой кампаніи 1829 г. эти матеріалы достигли уже обширныхъ размѣровъ; находясь при арміи полковымъ врачемъ, г. Даль въ ожиданіи обильной жатвы для своихъ записокъ взялъ всѣ прежнія тетради ихъ съ собою; вдругъ, навьюченный ими верблюдъ, перехода за два до Адріанополя, пропадаетъ. Что долженъ былъ чувствовать страстный собиратель, внезапно лишавшійся плодовъ 10-ти лѣтняго труда! Къ счастію, казаки гдѣ-то перехватили верблюда и черезъ недѣлю привели его въ Адріанополь [1]). Драгоцѣнныя замѣтки были спасены и продолжали нарастать еще цѣлыхъ 30 лѣтъ. «Жадно хватая на лету родныя речи [2]), слова и обороты, когда они срывались съ языка въ простой бесѣдѣ, гдѣ никто не чаялъ соглядатая или лазутчика, этотъ записывалъ ихъ... Сколько разъ случалось ему, среди жаркой бесѣды, выхвативъ записную книжку, записать въ въ ней оборотъ речи или слово, которое у кого-нибудь сорвалось съ языка, — а его никто и не слышалъ! Всѣ спрашивали, никто не могъ припомнить чѣмъ-либо замѣчательное слово — а слова этого не было ни въ одномъ словарѣ, и оно было чисто ру-

---

[1]) *Толковый Словарь*, т. I, «Напутное слово», стр. III.

[2]) Предупреждаю разъ навсегда, что во всѣхъ выпискахъ изъ напечатанныхъ при словарѣ статей сохраняю правописаніе автора.

ское [1]).» Вотъ какъ самъ составитель «Толковаго Словаря» описываетъ намъ часть процесса своихъ приготовительныхъ работъ. Тутъ же онъ отдаетъ отчетъ въ главной мысли, руководившей имъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнитъ: «его тревожила и смущала несообразность писменаго языка нашего съ устною речью простаго рускаго человѣка, не сбитаго съ толку грамотѣйствомъ, а слѣдовательно и съ самимъ духомъ рускаго слова. Не разсудокъ, а какое то темное чувство строптиво упиралось, отказываясь признать этотъ нестройный лепетъ, съ отголоскомъ чужбины, за рускую речь.. Для меня сдѣлалось задачей выводить на справку и повѣрку: какъ говоритъ книжникъ, и какъ выскажетъ въ бесѣдѣ ту же, доступную ему мысль человѣкъ умный, но простой, неученый — и нечего и говорить о томъ, что перевѣсъ, по всѣмъ прилагаемымъ къ сему дѣлу мѣрпламъ, всегда оставался на сторонѣ послѣдняго. Не будучи всилахъ уклониться ни на волосъ отъ духа языка, онъ поневолѣ выражается ясно, прямо, коротко и изящно» [2]).

Въ этихъ словахъ лежитъ ключъ ко всей литературной дѣятельности г. Даля. Чѣмъ болѣе онъ подмѣчалъ и записывалъ, тѣмъ болѣе крѣпло его убѣжденіе въ негодности нашей письменной рѣчи. Стараясь, въ своихъ разсказахъ, употреблять языкъ близкій къ народному, иногда нанизывая въ нихъ цѣлыми страницами пословицы и поговорки, онъ сверхъ того, по временамъ, излагалъ теоретически свои взгляды на русскую народную литературу и языкъ. Любопытно, что первая его статья по этому предмету написана по-нѣмецки и напечатана въ Dorpater Jahrbücher 1835 г. (№ 1). Давъ ей заглавіе «Über die Schriftstellerei des russischen Volks» (объ авторствѣ русскаго народа), онъ начинаетъ осужденіемъ подражательной нашей литературы, возстаетъ противъ искаженія языка на чужеземный ладъ и, переходя къ народной литературѣ, останавливается особенно на содержаніи нѣ-

---

[1]) Сл., ч. I, стр. III.
[2]) Тамъ же.

которыхъ лубочныхъ картинъ. Позднѣе онъ помѣстилъ въ *Москвитянинѣ* 1842 (ч. I, № 2, и ч. V, № 9): «Полтора слова о нынѣшнемъ рускомъ языкѣ» и «Недовѣсокъ къ статьѣ: *Полтора слова*». Далѣе, въ началѣ разсматриваемаго словаря мы находимъ еще три статьи г. Даля по тѣмъ же вопросамъ: 1) *О нарѣчіяхъ рускаго языка*, написанную въ 1852 году по поводу изданія академическаго областнаго словаря; 2) *О рускомъ словарѣ*, читанную 1860 г. въ Обществѣ любителей Россійской словесности, и 3) *Напутное слово*, читанное тамъ же въ 1862 г. и составляющее собственно предисловіе къ «Толковому словарю». Наконецъ нѣсколько замѣтокъ подобнаго содержанія помѣщено г. Далемъ въ газетѣ г. Погодина *Русскій* (1868 г. №№ 25 и 31).

Въ этихъ разновременныхъ статьяхъ вполнѣ высказались понятія автора о языкѣ, и потому онѣ очень важны для сужденія о словарномъ трудѣ его. Всѣ онѣ развиваютъ извѣстное уже намъ убѣжденіе г. Даля, что нашъ литературный языкъ, ко вреду своему, слишкомъ удалился отъ народнаго и, принявъ чуждый ему складъ вслѣдствіе множества заимствованій, совершенно утратилъ первоначальный характеръ силы, выразительности и сжатости. Впрочемъ г. Даль допускаетъ исключеніе въ пользу нѣкоторыхъ писателей: уже и въ первой статьѣ своей онъ указываетъ на Крылова и Грибоѣдова; въ *Напутномъ же словѣ* говоритъ: «Взгляните на Державина, на Карамзина, Крылова, на Жуковскаго, Пушкина и на нѣкоторыхъ извѣстныхъ даровитыхъ писателей; не ясно ли, что они избѣгали чужеречій, что старались, каждый по своему, писать чистымъ рускимъ языкомъ» [1])? Что касается до языка, которымъ самъ онъ писалъ, то г. Даль не только не

[1]) Сл., ч. I, стр. I. Впрочемъ г. Даль въ другомъ мѣстѣ не вполнѣ освобождаетъ и Пушкина отъ повальнаго упрека, утверждая, что «нѣтъ писателя, который бы не грѣшилъ — и много, тяжко — противъ роднаго языка. Самъ Пушкинъ» прибавляетъ онъ, «говоритъ въ прозѣ иногда такъ: *обѣ онѣ должны были выдти въ садъ, черезъ заднее крыльцо, за садомъ найдти готовыя сани, садиться въ нихъ и ѣхать — онъ помнилъ разстояніе, существующее между нимъ и бѣдной крестьянкой* и проч. «Все это», замѣчаетъ г. Даль, «не по-русски». (*Москвит.* 1842, ч. I, № 2, стр. 545 и 546).

выдаетъ его за образецъ, но сознаетъ и ошибки, въ которыя онъ впадалъ: онъ въ позднѣйшее время убѣдился, что для народности въ литературѣ недостаточно одного подбора словъ и выраженій изъ языка простонародья. При всемъ томъ, исходная точка г. Даля въ воззрѣніи на нашъ литературный языкъ остается прежняя. Онъ и теперь находитъ, «что живой народный языкъ, сберегшій въ жизненой свѣжести духъ, который придаетъ языку стойкость, силу, ясность, цѣлость и красоту, долженъ послужить источникомъ и сокровищницей для развитія образованой, разумной руской речи *взамѣнъ* нынѣшняго языка нашего, каженика»[1]).

Въ чемъ же, по мнѣнію г. Даля, заключается несостоятельность нынѣшняго нашего письменнаго языка? Изъ приводимыхъ имъ примѣровъ видно, что онъ сюда относитъ: 1) ошибочное употребленіе одного слова вмѣсто другаго по незнанію настоящаго значенія ихъ (*обознаться* вм. *опознаться*, *обыденный* вм. *обиходный)* [2]); 2) употребленіе словъ и реченій растянутыхъ, описательныхъ, составленныхъ по иностранному, вм. болѣе краткихъ и мѣткихъ, имѣющихся въ народномъ языкѣ (*путеводитель въ пустынѣ* вм. *степной вожакъ*, *собственный* вм. *свой*, *могущество* вм. *мочь*, *могута; усовершенствованіе*, *семейственный* вм. *усовершеніе*, *семейный* и проч.), и 3) заимствованіе множества чужеязычныхъ словъ съ передѣланными только на русскій ладъ окончаніями, употребленіе цѣлыхъ нерусскихъ оборотовъ, сочетаніе словъ и построеніе рѣчи по нерусскимъ формамъ мышленія. Слѣдующій примѣръ можетъ дать болѣе ясное понятіе о томъ, чего желаетъ г. Даль. Когда Жуковскій, въ свитѣ нынѣ царствующаго Государя Императора, въ 1837 г. проѣзжалъ черезъ Уральскъ, то

---

[1]) *Словарь*, ч. I, стр. II.

[2]) *Обознаться* значитъ ошибиться; а *опознаться* — оріентироваться; *обыденный*, какъ ясно показываетъ его происхожденіе, можетъ значить только однодневный (*обыденка* = эфемера). Прибавлю отъ себя, что такимъ же образомъ въ нашу новѣйшую литературу вкралось неправильное пониманіе слова *витать*, которому обыкновенно придаютъ смыслъ какого-то движенія въ вышинѣ (*носиться*, planer), тогда какъ оно просто значитъ *жить*, *пребывать*: ср. лат. vita и предложн. глаголъ об(в)итать.

г. Даль, въ то время тамъ находившійся, завелъ съ нашимъ знаменитымъ поэтомъ разговоръ о любимой своей темѣ и между прочимъ представилъ ему такой образчикъ двоякаго способа выраженія: 1) на общепринятомъ языкѣ: «Казакъ осѣдлалъ лошадь какъ можно поспѣшнѣе, взялъ товарища своего, у котораго не было верховой лошади, къ себѣ на крупъ и слѣдовалъ за непріятелемъ, имѣя его всегда въ виду, чтобы при благопріятныхъ обстоятельствахъ на него напасть»; и 2) на языкѣ народномъ: «Казакъ сѣдлалъ у́торопь, посадилъ безконнаго товарища на за́бедры и слѣдилъ непріятеля въ на́зерку, чтобы при спопутности на него ударить» [1]). Жуковскій, мало сочувствуя послѣднему способу выраженія, замѣтилъ, что такъ можно говорить только съ казаками и притомъ о близкихъ имъ предметахъ.

Нельзя отрицать справедливости той мысли, что языкъ народный во многихъ случаяхъ выражается своеобразнѣе и удачнѣе литературнаго; но замѣтивъ это, г. Даль упустилъ изъ виду, что несходство между тѣмъ и другимъ есть явленіе общее всѣмъ языкамъ, а не исключительная принадлежность русскаго. Вездѣ языкъ, по мѣрѣ своего развитія въ образованной рѣчи, болѣе и болѣе даетъ перевѣсъ отвлеченному мышленію надъ наглядной изобразительностью [2]); вездѣ общіе всему человѣчеству логическіе законы въ большей или меньшей степени вытѣсняютъ изъ письменнаго языка непосредственную своеобразность народныхъ представленій, выражающуюся въ идіотизмахъ, и потому-то вездѣ литературная рѣчь мало по малу усвоиваетъ себѣ множество синтаксическихъ оборотовъ, общепринятыхъ въ образованнѣйшихъ языкахъ. Этотъ какъ бы космополитическій языкъ похожъ, по остроумному сравненію одного писателя, на бумажныя деньги, повсюду легко замѣняющія золотую и серебряную монету. Такое явленіе въ языкахъ есть необходимое слѣдствіе постояннаго обмѣна идей, происходящаго путемъ литературы, и слишкомъ жа-

---

[1]) *Москвит.* 1842, № 2, «Полтора слова» и проч., стр. 552, 553.
[2]) *Историч. грамматика* Буслаева, М. 1863, ч. II, стр. 21 и 77.

лѣть объ этомъ результатѣ нельзя безъ умаленія цѣны самаго факта, изъ котораго онъ проистекаетъ.

Но свобода заимствованій должна имѣть свои разумные предѣлы, особенно должна она ограничиваться уваженіемъ къ духу роднаго языка. Г. Даль не безъ основанія упрекаетъ нашу книжную рѣчь въ злоупотребленіи этою свободой. Въ послѣдніл десятилѣтія, начиная съ 40-хъ годовъ, — по мѣрѣ того какъ русское общество научалось придавать *вещамъ* болѣе цѣны, чѣмъ *именамъ*,— у насъ стали слишкомъ пренебрегать чистотою языка и слишкомъ мало стѣсняться въ употребленіи иностранныхъ словъ и оборотовъ. Такимъ образомъ въ печати появилось множество выраженій, искусственно привитыхъ къ русскому языку, напр. *разсчитывать на кого* или *на что*, *дѣлать кого несчастнымъ*, *имѣть жестокость*, *предшествовать кому*, *предпослать что чему*, *пройти молчаніемъ*, *раздѣлять чьи-либо мысли* или *чувства*, *прежде нежели сказать*, *слишкомъ уменъ чтобы не понять*, *имѣть что возразить*, *имѣть что-нибудь противъ* [1]). Въ разговорѣ и на письмѣ сдѣлались ходячими слова: *фактъ*, *результатъ*, *интересный*, *серьезный*, *компетентный*, *лояльный*, *солидный*, *солидарный*; не избѣгли мы даже *шансовъ*, не говоря уже о цѣломъ легіонѣ глаголовъ подобныхъ слѣдующимъ: *импонировать*, *импровизировать*, *изолировать*, *игнорировать*, *бравировать*, *формулировать*, *вотировать*, *конкурировать*, *резюмировать*, *третировать*. Послѣдній разрядъ словъ особенно неудаченъ, такъ какъ тутъ мы видимъ иногда двойное искаженіе: французское слово видоизмѣнено сперва нѣмецкою формою его окончанія (iren).

[1]) Въ ближайшее къ намъ время къ этимъ оборотамъ присоединилос еще много другихъ, напр. *считаться съ чѣмъ* (tenir compte de quelquechose), *человѣкъ такого закала* (un homme de cette trempe), *разъ онъ взялся — непремѣнно сдѣлаетъ* (une fois qu'il s'en est chargé...) и проч., или слова: *вліять*, *вліятельный*, *немыслимый* (undenkbar). Прежде слово *вліять* имѣло только собственное значеніе, напр. у М. Н. Муравьева: «Многія дамы, украшенія пола своего, *вліяли* природныя и неподражаемыя пріятности ихъ разума въ сочиненія, по видимому легкія и нетщательныя». — Французское слово *sâle* въ переносномъ смыслѣ стали переводить *сальный*, изъ котораго въ томъ же значеніи образовалось существительное *сальность* (!).

Чтобы уменьшить безобразіе нѣкоторые стали отбрасывать слогъ *ир* и говорить напр. *формуловать*, *цитовать*, по образцу болѣе старыхъ глаголовъ: *атаковать*, *арестовать*, *командовать*, *пробовать*. Къ сожалѣнію, это лишь въ рѣдкихъ случаяхъ возможно, да и отъ такой передѣлки мало прибыли, когда слово все-таки остается иностраннымъ.

Замѣтимъ однакожъ, что одновременно съ вторженіемъ иностранныхъ словъ и оборотовъ, русскій литературный языкъ не переставалъ развиваться и изъ собственныхъ своихъ источниковъ, чего г. Даль вовсе не принялъ въ соображеніе, хотя однажды и вырвалось у него замѣчанье: «Сколько введено русскихъ словъ на нашей памяти, начиная съ Карамзина!» [1]). Чтобы убѣдиться въ этомъ, стóитъ сравнить любую нынѣшнюю книгу или газету съ тѣмъ, что писалось лѣтъ 30 — 40 тому назадъ, даже и лучшими изъ тогдашнихъ литераторовъ: въ каждомъ современномъ намъ сочиненіи найдется множество русскихъ словъ и оборотовъ, которыхъ не знали ни Карамзинъ, ни слѣдовавшіе за нимъ писатели. Все это пріобрѣтенія, усвоенныя языку путемъ, по большей части правильнымъ и законнымъ. Изъ какихъ же источниковъ, сверхъ иностранныхъ языковъ, наша письменная рѣчь обогащается? Частью изъ старинныхъ памятниковъ, по примѣру пользующихся ими хорошихъ писателей (такъ еще Карамзинъ возстановилъ слово *сторонникъ*, нынѣ часто употребляемое; такъ же введены недавно: *рознь* въ смыслѣ несогласія, *строй*, *людъ* и т. п.), частью изъ самого живаго языка, пользуясь существующими уже словами или корнями для новыхъ словообразованій и сочетаній; такъ возникли слова: *научный*, *проявленіе*, *дѣятель*, *даровитый*, *отчетливый*, *настроеніе*, *творчество*, *сопоставленіе*, *сдержанность*, *голосованіе*, *плоскогорье* и проч. Нѣкоторыя старыя слова стали употребляться въ новомъ значеніи, напр. *разборъ* вм. *рецензія*, *сложиться* вм. *устроиться* (напр. объ обстоятельствахъ), *печать* вм. *пресса*, *пробѣлъ*, *насущный* (въ переносномъ смыслѣ). Изъ преж-

[1]) *Москвит.* 1842, № 9, «Недовѣсокъ» и пр., стр. 91.

нихъ словъ иныя вовсе оставлены, напр. *свѣдать* (которое любилъ Карамзинъ), *содѣлывать*, *прилежность*, *сорадованіе*, *примѣчанія достойный*, *въ разсужденіи чего*; другія урѣзаны, напр. вмѣсто *надобно*, *чувствованіе* стали не только говорить, но и писать *надо*, *чувство*. Г. Даль не одобряетъ появившихся въ 40-хъ годахъ словъ: *возникновеніе*, *исчезновеніе* и т. п. Они однакожъ ничѣмъ не хуже болѣе старыхъ образцовъ своихъ: *отдохновеніе*, *прикосновеніе*, *дуновеніе* и пр.; они вызваны потребностью въ логическомъ отвлеченіи и могутъ быть терпимы, если только образованы правильно, а не такъ, какъ напр. слово *упоминовеніе*, не оправдываемое законами этимологіи [1]). Еще безобразнѣе и неправильнѣе не старое слово *вдохновлять* [2]). Но за исключеніемъ немногихъ случаевъ этого рода, современный литературный языкъ вообще стремится къ упрощенію, къ большему и большему сближенію съ языкомъ разговорнымъ, отбрасывая постепенно слова̀ тяжелыя, напыщенныя, слишкомъ искусственныя въ своемъ образованіи, каковы напр. отживающія свой вѣкъ слова̀: *преуспѣяніе*, *споспѣшествовать*, *преткновеніе*, и имъ подобныя. Нельзя даже сказать, чтобы литературный языкъ и до сихъ поръ вовсе не заимствовался изъ народнаго, откуда, напр., введены слова *починъ* (или *зачинъ*), *бытъ*, *суть* (сущность), *проходимецъ* и др. Нѣкоторыя изъ лучшихъ нашихъ писателей уже показали опыты глубокаго знанія народнаго языка, которое, отражаясь въ ихъ сочиненіяхъ, не остается безъ дѣйствія на всю литературу. Не упоминая о живыхъ, укажу только на покойнаго С. Т. Аксакова; его проза — образецъ чисто-русскаго языка, богатаго народными, кстати употребленными, идіотизмами.

Итакъ положеніе нашего литературнаго языка по видимому да-

---

[1]) Отъ *упомянуть* существительное было бы *упомяновеніе*; отъ *упоминать* — *упоминаніе*.

[2]) Отъ гл. *вдохнуть* произошло причастіе *вдохновенный* (какъ отъ *обыкнуть* — *обыкновенный*), а отъ причастія, уже совершенно наперекоръ грамматикѣ и логикѣ, образовано *вдохновить*, *вдохновлять*, какъ будто это то же, что *благословить* — *благословенный*!

леко не такъ отчаянно, какъ оно кажется г. Далю. Въ подтвержденіе того можетъ служить и собственная его проза: въ ней можно бы ожидать усильнаго приближенія къ тому идеалу слога, который авторъ себѣ составилъ; но на самомъ дѣлѣ она не многимъ отличается отъ того, что вообще пишется у насъ людьми, не совсѣмъ равнодушными къ чистотѣ языка. Правда, у него попадаются слова и реченія, которыхъ мы не встрѣтимъ у другихъ писателей; но это однѣ частности, мало замѣтныя въ цѣломъ, представляющемъ общій характеръ современной намъ письменной рѣчи. Нѣтъ сомнѣнія, что она можетъ почерпнуть еще много живыхъ силъ изъ языка народнаго; тѣмъ не менѣе однакожъ требованія и ожиданія г. Даля въ этомъ отношеніи преувеличены. Это становится яснымъ изъ слѣдующихъ словъ его: «Народныя слова *прямо могутъ* переноситься въ письменый языкъ, *никогда* не оскорбляя его грубою противу самого себя ошибкою, а напротивъ *всегда* направляя его въ природную свою колею, изъ которой онъ у насъ соскочилъ» (не вѣрнѣе ли было бы: *выскочилъ*?) «какъ паровозъ съ рельсовъ: онѣ оскорбятъ развѣ только изрусѣвшее ухо чопорнаго слушателя» [1]). Здѣсь авторъ упускаетъ изъ виду, что у каждой сферы языка есть свой характеръ, свой тонъ, который поддерживается не только цѣлымъ составомъ рѣчи, оборотами, но и отдѣльными словами. Поэтому переносить слова изъ одной сферы въ другую не всегда удобно: слово должно быть всегда сообразно съ настроеніемъ духа и ума говорящаго, съ тѣмъ оттѣнкомъ, какой онъ хочетъ придать выражаемому понятію. Вотъ почему нѣкоторыя всѣмъ извѣстныя и даже общеупотребительныя слова народнаго языка не всегда пригодны въ рѣчи образованнаго класса. Такъ глагола *плясать* мы не можемъ во всѣхъ случаяхъ употреблять вмѣсто иноязычнаго синонима его *танцовать*, и еслибъ обычная фраза «дама, съ которою я танцовалъ», приняла въ разговорѣ форму: «женщина, съ которой я плясалъ», то едва ли кто изъ слушателей могъ бы удержаться

---

[1]) Сл., ч. I, стр. XVI.

отъ невольной улыбки. Другой примѣръ: многіе еще помнятъ, какъ при началѣ построенія московской желѣзной дороги, народъ прозвалъ ее *чугункою* и какъ это слово всѣмъ показалось удачнымъ. Почему же оно, не смотря на то, не вошло въ общее употребленіе? Потому что съ нимъ, для образованнаго человѣка, связывается понятіе чего-то наивнаго, несовмѣстнаго съ общимъ характеромъ его рѣчи.

Еще труднѣе дать ходъ областному слову, непонятному и новому для насъ по своему звуковому составу: таковы, напр., *ўповодъ* и *выть*, на которыя г. Даль указываетъ какъ на весьма полезныя, объясняя: «*Уповодъ*, это срокъ или продолжительность отъ *выти* до *выти*, т. е. отъ ѣды до ѣды. Во днѣ, смотря по числу *вытей*, коихъ лѣтомъ бываетъ одною болѣе, чѣмъ зимою, три или четыре *ўповода*, каждый часа въ четыре»[1]. Какъ ни нужно было бы намъ въ самомъ дѣлѣ слово, соотвѣтствующее французскому repas, мало надежды, чтобы сѣверно-русское *выть* когда-нибудь сдѣлалось общеупотребительнымъ, хотя оно нѣкогда въ другомъ значеніи (доля, участокъ) и было знакомо всему народу, какъ показываетъ образованное отъ него старинное сущ. *повытчикъ*. Такъ же мало будущности можно предсказать и нѣкоторымъ другимъ предлагаемымъ г. Далемъ словамъ: правда, они заключаютъ въ себѣ корень уже извѣстный, но образованіе ихъ не отвѣчаетъ условію общепонятности. Вмѣсто горизонтъ рекомендуетъ онъ напр.: *завѣсь, закрой, озоръ, овидь;* вм. резонансъ — *отбой, голкъ, наголосокъ;* вм. адресовать, адресъ — *насылать наслъ, насылка;* вм. кокетка — *миловидница, красовитка, жеманница, хорошуха, казотка;* вм. атмосфера — *колоземица, міроколица;* вм. пуристъ — *чистякъ;* вм. эгоизмъ — *самотство, самотность*. Замѣтимъ впрочемъ, что нѣкоторыя изъ этихъ словъ не народныя, а придуманныя самимъ г. Далемъ. Но чтобы какое-нибудь новое слово, — будетъ ли оно заимствовано у народа, или составлено писателемъ, — пошло въ ходъ, для

[1]) Сл., ч. I, стр. XXIV.

этого оно должно быть, по своему составу, совершенно просто, естественно, непринужденно: новизна его не должна бросаться въ глаза. Такъ на нашей памяти принялись слова: *даровитый*, *дѣятель*, *представитель*, *научный*, *паровозъ*, *обусловливать*, *сдержанность*, *заподозрѣть*, *починъ*, *вліятельный* [1]). Однакожъ и они до сихъ поръ не всѣ еще пріобрѣли несомнѣнное право гражданства.

Что касается до словъ иностранныхъ въ русскомъ языкѣ, то присутствіе ихъ неразрывно связано съ самымъ ходомъ нашего образованія, которое постоянно питалось плодами западной жизни. Слѣдствіемъ быстрыхъ нововведеній было то, что не мало пришлыхъ словъ проникло даже въ языкъ народный; такъ по всей Россіи простолюдины употребляютъ слова: *манера*, *фасонъ*, *мастеръ*, *матерія*, *матерьялъ*, *капиталъ*, *музыка*, *оказія*, *коммисія*, *азартъ*, которыхъ народъ и не думаетъ замѣнять своими и изъ коихъ нѣкоторыя—и именно три послѣднія—получили на русскомъ языкѣ новое, самостоятельное значеніе. Въ городахъ необразованный и полуграмотный классъ особенно любитъ, безъ всякой надобности, щеголять иностранными словами и вмѣсто всѣмъ извѣстныхъ русскихъ словъ употребляетъ напр. *фрыштыкъ*, *фартукъ*, *персона*, *кувертъ*, *пратикулярный* и т. д. Если отсюда поднимемся въ высшіе слои, то найдемъ, что не только въ свѣтскомъ обществѣ, но и въ литературѣ употребленіе чужеземныхъ словъ

[1]) Ходъ введенія подобныхъ словъ бываетъ обыкновенно такой: вначалѣ слово допускается очень немногими; другіе его дичатся, смотрятъ на него недовѣрчиво, какъ на незнакомца; по чѣмъ оно удачнѣе, тѣмъ чаще оно начинаетъ являться; мало по малу къ нему привыкаютъ, и новизна его забывается: слѣдующее поколѣніе уже застаетъ его въ ходу и вполнѣ усвоиваетъ себѣ. Такъ было напр. съ словомъ *дѣятель*; нынѣшнее молодое поколѣніе, можетъ быть, и не подозрѣваетъ, какъ это слово, при появленіи своемъ въ 30-хъ годахъ, было встрѣчено враждебно бо́льшею частью пишущихъ. Теперь оно слышится безпрестанно, входитъ уже и въ правительственные акты. Не многіе даже изъ людей пожилыхъ еще предпочитаютъ ему *дѣлатель*, которое сначала многимъ казалось лучше. Иногда случается однакожъ, что и совсѣмъ новое слово тотчасъ полюбится и войдетъ въ моду. Это значитъ, что оно попало на современный вкусъ. Такъ было въ самое недавнее время съ словами: *вліять* (и *повліять*), *вліятельный*.

было издавна и до сихъ поръ остается отчасти дѣломъ моды, отчасти же происходитъ отъ привычки нашей думать на иностранныхъ языкахъ и искать на своемъ выраженія для чуженародныхъ мыслей. Мѣняются слова, но сущность все та же. Петровскія *фортеціи* и *викторіи* позднѣе уступили мѣсто *еложамъ*, *резонамъ*, *эстимъ*, а еще позднѣе пошли въ ходъ *эксплуатаціи*, *инсинуаціи*, *пертурбаціи*, *шансы* и *принципы*, которыя вѣроятно въ свою очередь исчезнутъ и очистятъ путь новымъ пришельцамъ изъ романскихъ языковъ. Число иноземныхъ словъ, вторгшихся и еще вторгающихся къ намъ вмѣстѣ съ новыми понятіями, изобрѣтеніями и учрежденіями, заимствуемыми съ запада, такъ велико, что совершенное изгнаніе ихъ, даже и въ отдаленномъ будущемъ, немыслимо. Между ними есть и такія, которымъ легко найти вполнѣ соотвѣтственныя русскія слова и которыя, несмотря на то, всѣми употребляются предпочтительно, только потому, что мы къ нимъ уже привыкли и что они по своей общеизвѣстности кажутся намъ удобнѣе; такъ вм. дуэль мы не говоримъ *поединокъ*[1]), и оставляемъ въ сторонѣ слова: *врачъ*, *станъ*, *преобразованіе*, употребляя намѣсто ихъ: медикъ или докторъ, лагерь, реформа. Иными же русскими словами, напр. *купецъ*, *гостиница*, мы рѣдко пользуемся потому, что съ ними соединяются такіе оттѣнки значенія или бытовыхъ особенностей, которыхъ чужды соотвѣтствующія иностранныя слова *негоціантъ*, *отель* и проч. Употребленіе въ такихъ случаяхъ русскихъ словъ показалось бы неумѣстнымъ пуризмомъ. Изъ приведенныхъ сейчасъ примѣровъ, какъ и изъ многихъ общеизвѣстныхъ, но мало употребительныхъ народныхъ реченій, видно, что слабое вліяніе языка народнаго на образованный происходитъ не столько отъ незнанія туземныхъ словъ или отъ трудности пріискивать ихъ, сколько отъ

---

[1]) Въ оправданіе этого можно, конечно, сказать, что древній *поединокъ* обставленъ такими особенностями, которыя не подходятъ къ слову *дуэль;* но отчего же мы въ другихъ случаяхъ допускаемъ еще болѣе рѣзкіе анахронизмы, употребляя напр. *стрѣлять*, *выстрѣлъ* (отъ *стрѣла*) въ примѣненіи къ огнестрѣльному оружію?.

совершенно другихъ, болѣе глубокихъ причинъ. Вотъ и еще примѣръ тому: всѣмъ извѣстно, какъ нашъ народный языкъ богатъ названіями родства; ознакомиться съ ними всякому было бы не трудно; однакожъ мы видимъ, что напротивъ того ихъ избѣгаютъ, и въ такъ называемомъ хорошемъ обществѣ *бофреры* и *бельсёры* еще не скоро уступятъ первенство *шурьямъ* и *зятьямъ*, *невѣсткамъ* и *золовкамъ*, которыхъ названія переносятъ насъ въ слишкомъ чуждую намъ и темную область русской жизни. Отсюда мы прямо приходимъ къ тому важному выводу, что народному языку болѣе значенія и вліянія можетъ дать только народное образованіе. Пусть бездна, отдѣляющая у насъ одну часть націи отъ другой, будетъ постепенно исчезать передъ успѣхами просвѣщенія въ массахъ: однимъ изъ благотворныхъ послѣдствій этого будетъ конечно и бóльшее единство въ языкѣ цѣлой націи, и высшіе слои ея научатся лучше цѣнить сокровища народной рѣчи.

Нельзя не согласиться съ г. Далемъ, что нашъ образованный языкъ слишкомъ злоупотребляетъ легкостью заимствованія иностранныхъ словъ: на писателяхъ лежитъ прямой долгъ стараться о замѣнѣ ихъ по возможности русскими. Это всегда и сознавали лучшіе представители слова. Несправедливо слагать съ себя въ этомъ дѣлѣ отвѣтственность, ссылаясь на исторію. Естественно, что при быстро совершающейся внутри общества работѣ некогда, для каждаго новаго понятія, тотчасъ же придумывать и своенародное слово; но это не значитъ, чтобы мы навсегда уже были освобождены отъ заботы о томъ. Патріотическое стремленіе писателей къ очищенію своего языка отъ пестрой иноземной примѣси можетъ также составить фактъ въ движеніи общественнаго сознанія, и притомъ фактъ, достойный полнаго вниманія исторіи. Былъ же этотъ фактъ въ умственной жизни нѣкоторыхъ другихъ народовъ. У Нѣмцевъ еще въ 17-мъ столѣтіи образовались учено-литературныя общества, главною цѣлію которыхъ было изгнаніе чуждыхъ стихій изъ языка; Чехи, вслѣдствіе особенныхъ политическихъ обстоятельствъ, замѣнили большую часть вошедшихъ къ нимъ нѣмецкихъ словъ своими, и во многихъ случаяхъ очень

удачно; но при этомъ оказалось также, какъ опасно обращаться съ языкомъ самовольно, безъ надлежащаго пониманія дѣла и осторожности: людьми непризванными введено въ чешскій языкъ съ другой стороны множество крайне неловко составленныхъ словъ, не отвѣчающихъ ни духу, ни законамъ языка. Тѣмъ не менѣе примѣръ Чеховъ долженъ быть принимаемъ въ соображеніе; вообще славянскіе языки, какъ сознаетъ и г. Даль, могутъ служить немаловажнымъ пособіемъ для обогащенія русскаго. Изученіе народнаго языка полезно какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи; но заимствованія изъ него въ языкъ образованный должны дѣлаться сами собой, естественно и незамѣтно. Насильственное же введеніе народныхъ словъ и оборотовъ едва ли можетъ быть успѣшно, и писатель, который будетъ употреблять ихъ неосмотрительно, подвергнется опасности остаться непонятнымъ большинству читателей.

Итакъ, не вполнѣ соглашаясь съ нашимъ авторомъ въ его взглядѣ на современную литературную рѣчь и на легкость исправленія ея посредствомъ языка народнаго, нельзя однакожъ не отдать полной справедливости его заботѣ объ очищеніи нашего письменнаго языка и не признать всей важности какъ обширнаго словаря его, такъ и положенной въ основаніе этого труда идеи.

Приступая къ разсмотрѣнію «Толковаго словаря» со стороны научныхъ требованій, мы не должны упускать изъ виду взгляда самого автора на свою задачу и на средства свои къ ея выполненію. Онъ прямо говоритъ [1], что предпринимая работу словаря, считалъ ее для себя непосильной и что, обсудивъ безпристрастно свои познанія, нашелъ ихъ недостаточными для глубокаго ученаго труда: «и именно», поясняетъ онъ, «недоставало общихъ познаній языковѣденія и основательнаго знанія прочихъ славянскихъ языковъ и наречій; недоставало даже и того, что у насъ называютъ основательнымъ знаньемъ своего языка, то есть, научнаго знанія граматики». Послѣ такой добросовѣстной исповѣди автора мы не

---

[1]) Словарь, ч. I, стр. IV.

имѣли бы и права подвергать его словарь строгой ученой критикѣ, еслибъ на насъ не лежала обязанность, для полноты нашего разбора, прежде всего рѣшить, въ какой мѣрѣ трудъ г. Даля удовлетворяетъ требованіямъ науки. Предпринимаемъ эту оцѣнку тѣмъ охотнѣе, что знаемъ, какъ почтенный авторъ дорожитъ серьезнымъ судомъ и правдой, высказанной безъ лицепріятія, для пользы одного дѣла.

Словарю своему онъ далъ заглавіе: *Толковый словарь живаго Великорускаго языка.* Такимъ образомъ мы не видимъ здѣсь слова *народный*, хотя понятіе его и составляетъ господствующее начало всего труда. Причина этого умолчанія заключается въ томъ, что планъ словаря обширнѣе: онъ долженъ былъ обнять весь запасъ великорусскаго языка, какъ онъ является въ устной рѣчи, въ литературныхъ произведеніяхъ и отчасти даже въ памятникахъ древней письменности; но *живой* языкъ вообще составлялъ главную задачу нашего лексикографа. Изъ этой области русскаго языка онъ вносилъ «слова, речи и обороты всѣхъ концевъ Великой Руси», впрочемъ, какъ самъ онъ оговаривается, «не для безусловнаго включенія ихъ въ писменую рѣчь, а для изученья, для знанія и обсужденія ихъ, для обсужденія самаго духа языка и усвоенія его себѣ, для выработки изъ него постепенно своего, образованаго языка. Читатель, а тѣмъ паче писатель, сами разберутъ, что и въ какомъ случаѣ можно включить и принять въ образованый языкъ» [1]. Прислушиваясь къ говору простонародья изъ самыхъ разнообразныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга краевъ Россіи, г. Даль убѣдился, что за исключеніемъ не слишкомъ большаго числа мѣстныхъ словъ, на всемъ обширномъ пространствѣ, гдѣ обитаетъ великорусское племя, господствуетъ собственно, не смотря на частныя видоизмѣненія, одинъ и тотъ же народный языкъ. Извѣстно, что еще Ломоносовъ замѣтилъ: «Народъ Россійскій, по великому пространству обитающій, не смотря на дальное разстояніе говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ

[1]) Словарь, ч. I, стр. V.

другу языкомъ въ городахъ и въ селахъ. Напротивъ того, въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, напримѣръ въ Германіи, Баварской крестьянинъ мало разумѣетъ Мекленбургскаго, или Бранденбургской Швабскаго, хотя всѣ тогожъ Нѣмецкаго народа [1])». Единство русскаго народнаго языка даетъ ему еще болѣе права на наше вниманіе. Но кромѣ того неоспоримо, что и мѣстныя слова, удачно выражающія такія понятія, для которыхъ недостаетъ словъ въ языкѣ письменномъ, могутъ быть пригодны для всеобщаго употребленія. Поэтому г. Даль не пренебрегалъ и мѣстными словами, когда они казались ему заслуживающими извѣстности: дѣйствуя такъ, онъ былъ тѣмъ болѣе правъ, что вообще нелегко опредѣлить границы распространенія слова. Въ этомъ отношеніи, для г. Даля было чрезвычайно важно изданіе нашимъ Отдѣленіемъ, въ 1852 году, *Опыта областнаго великорусскаго словаря.* Пользу его для своихъ работъ самъ онъ сознаетъ безпристрастно: хотя онъ и не упускаетъ случаевъ, при самомъ текстѣ своего словаря, строго и рѣзко выставлять недостатки какъ областнаго, такъ и другихъ академическихъ словарей, однакожъ въ своемъ *Напутномъ словѣ*, уступая чувству справедливости, онъ говоритъ: «Первое признательное слово мое по сему дѣлу должно быть обращено къ словарямъ Академіи, общему, на коемъ весь трудъ основанъ, и областнымъ, коими запасы мои пополнены» [2]). *Опытъ областнаго словаря*, представившій г. Далю первый шагъ къ осуществленію его давнишней и любимой мысли, помогъ, кажется, и окончательному ея развитію. По поводу его изданія г. Даль написалъ въ 1852 г. обширную статью о *нарѣчіяхъ русскаго языка*; не касаясь здѣсь изложенныхъ въ ней частныхъ воззрѣній автора на этотъ предметъ, которыя потребовали бы особаго разсмотрѣнія, приведу оттуда только одну общую, замѣчательно вѣрную мысль: «Мы вобще большею частью ошибаемся, отмѣчая слово курскимъ, нижегородскимъ, потому только, что

---

1) *Соч. Ломоносова*, т. I, «О пользѣ книгъ церковныхъ», стр. 532.
2) Словарь, ч. I, стр. XIII.

въ первый разъ его тамъ слышали... Въ общемъ Академическомъ словарѣ отмѣчены областными такія слова, которыя донынѣ входу почти повсемѣстно.... Также точно въ словарѣ областномъ приписаны одной губерніи слова̀ довольно общія.... Изъ этого слѣдуетъ, что намъ еще едва ли можно отдѣлить словарь нарѣчій отъ словаря народнаго языка, и что именно трудъ нашъ тогда только достигнетъ цѣли своей, когда ознакомитъ насъ сколь можно ближе съ языкомъ народнымъ и со всѣми мѣстными особенностями его»... [1]). Вотъ эту-то плодотворную мысль г. Даль и положилъ въ основу своего словаря.

Мы уже знаемъ, какой матеріалъ онъ предпринялъ разработать; посмотримъ теперь, какіе предѣлы онъ себѣ намѣтилъ и какъ соблюлъ ихъ. Полнота словаря живаго языка можетъ быть только относительная; слѣдовательно, если смотрѣть съ высшей, не просто практической точки зрѣнія, такая полнота тогда только можетъ имѣть научную цѣну, когда въ стремленіи къ ней видно какое-нибудь теоретическое начало. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Даль, переливъ въ свой трудъ все, что для его цѣли было годно изъ напечатанныхъ до него русскихъ словарей, и прибавивъ къ этому массу словъ, имъ самимъ собранныхъ, далъ намъ самый полный русскій словарь изъ всѣхъ, какіе мы до сихъ поръ имѣемъ: по собственному его показанію, число прибавленныхъ имъ словъ (считая, разумѣется, не одни новыя, малоизвѣстныя, но и весьма обыкновенныя второобразныя, только прежде не отмѣченныя) можетъ простираться отъ 70 до 80-ти тысячъ. Но если мы спросимъ, какимъ собственно правиломъ руководствовался г. Даль, принимая изъ народныхъ или мѣстныхъ словъ одни и отбрасывая другія, то едва ли найдемъ такое правило. Иногда онъ вноситъ мѣстныя слова не великорусскія, напр. *вовкулака* (очевидно имѣющее малороссійскую форму), или даже и вовсе не-русскія, а инородческія, т. е. финскія, татарскія и т. п., каковы, напр., архангельскія слова: *конда* и *мянда* (особые виды сосны) или кавказское

[1]) Словарь, ч. I, стр. LI.

аба (толстое и рѣдкое бѣлое сукно). Кажется, что и вообще исключительно мѣстныя, хотя бы и русскія, названія предметовъ, которыя не могутъ имѣть примѣненія въ общеупотребительномъ языкѣ и потому не отвѣчаютъ главной идеѣ г. Даля, должны бы оставаться достояніемъ областныхъ словарей. Иначе словарь народнаго языка подвергается опасности вмѣстить въ себѣ случайное извлеченіе изъ областныхъ словарей разныхъ мѣстностей. Впрочемъ такихъ мѣстныхъ названій у г. Даля, сравнительно, немного; за то какое безчисленное множество собралъ онъ дѣйствительно общенародныхъ словъ, которыхъ образованный языкъ до сихъ поръ не зналъ: между ними особеннаго вниманія заслуживаетъ большое количество словъ, относящихся до естествовѣдѣнія, медицины, ремеслъ и промысловъ, названій, отчасти только въ народѣ обращающихся, напр. *гусачи́ха*, *гуса́ковая перепонка*, предлагаемое г. Далемъ, вмѣсто употребляемаго нынѣ искусственнаго слова грюдобрюшная преграда. Рядомъ съ словами народнаго языка помѣщены имъ также слова иноязычныя, и притомъ не только пользующіяся правомъ давности, но и вновь вводимыя (разумѣется, не всѣ, а только болѣе употребительныя). За это авторъ, какъ намъ кажется, не заслуживаетъ упрека, ибо, каковы бы ни были эти слова, никто не можетъ отрицать, что они находятъ себѣ мѣсто въ современномъ живомъ языкѣ, хотя и нельзя поручиться за долговѣчность многихъ изъ нихъ.

Далѣе г. Даль заимствовалъ изъ словаря академическаго также многія церковно-славянскія и старинныя русскія слова, занесенныя туда изъ письменныхъ памятниковъ, и притомъ не только тогда, когда они въ другомъ значеніи донынѣ употребительны, но и тогда, когда они принадлежатъ исключительно древнему языку. При тѣсной и неразрывной связи, существующей у насъ между языкомъ настоящаго и давнопрошедшаго времени, понятно, что лексикографу *живаго языка* трудно и даже совершенно невозможно быть послѣдовательнымъ и ограничиваться однимъ современнымъ языкомъ. Какъ напр. поступать ему съ словами: *длань*, *здать*, *ристать*, *осклабляться*, *стогнъ*, *паволока*,

стольникъ, *кравчій*, съ формами: *младой*, *драгой*, *златой*, *гладъ*, *стражъ*? Г. Даль рѣшился сохранять не только такія слова, но и другія менѣе нужныя, напр. *скирбь*, *скнипа*, *гобзовать*, *угобжать*, *вуй*, *стрый*, *средовѣкъ*, *спона*, отмѣчая ихъ иногда припискою *црк.* или *стар.* и присоединяя къ нимъ тѣ же примѣры, какіе приведены въ академическомъ словарѣ изъ древнихъ памятниковъ. Нельзя не признать этого справедливымъ въ отношеніи къ стариннымъ словамъ, еще употребляемымъ въ новомъ письменномъ языкѣ или имѣющимъ значеніе корней; но что касается до такихъ словъ, которыя рѣдко встрѣчаются и въ памятникахъ, какъ напр. *скирбь* (связка), то кажется, не было основанія давать имъ мѣсто въ словарѣ живаго языка, ибо большинства подобныхъ словъ мы у г. Даля все таки не найдемъ напр. *непщевать*, *склабиться*. Такимъ образомъ, отдавая всю справедливость лексическому богатству словаря г. Даля, мы должны однакожъ замѣтить, что у него трудно отыскать какое-либо строго опредѣленное, однообразное теоретическое начало, подъ которое подходили бы всѣ принятыя имъ слова. Относительно задачи автора, обозначенной въ самомъ заглавіи словаря названіемъ «живаго великорускаго языка», можно упрекнуть его въ излишествѣ, такъ что многія слова попадаются тамъ совершенно неожиданно для пользующагося имъ; конечно, всякая такая случайная находка можетъ быть тому или другому читателю очень пріятна; но надобно, чтобы всякій, обращаясь къ словарю, заранѣе зналъ, что̀ онъ можетъ найти въ немъ и чего искать не долженъ.

Г. Даля не разъ упрекали еще въ томъ, что въ словарѣ его встрѣчаются слова сомнительныя и такія, которыя составлены имъ самимъ, однакоже занесены безъ всякихъ оговорокъ. Упрекъ этотъ такъ важенъ, что мы не можемъ оставить его безъ разсмотрѣнія.

Возражая на такое обвиненіе, самъ г. Даль сознается, что «при *толкованіяхъ*, а иногда и *въ числѣ производныхъ словъ* могли попадаться и такія, кои доселѣ не писались, а можетъ быть даже и не говорились»: — «въ переводахъ чужихъ словъ», говоритъ

онъ въ другомъ мѣстѣ, «могутъ попадаться въ словарѣ изрѣдка вновь сочиненныя слова, отдаваемыя на общій судъ; но въ красной строкѣ или въ числѣ объясняемыхъ словъ *сочиненныхъ мною словъ нѣтъ:* въ красную строку, въ число реченій, набираемыхъ крупнымъ наборомъ, отъ строки, собиратель ставилъ только слова читаныя или слышаныя имъ». Къ числу словъ, составленныхъ самимъ авторомъ, разумѣется изъ соединенія уже извѣстныхъ словъ, относятся, напр., имена сущ.: ловкосиліе (при словѣ гимнастика), міроколица (при сл. атмосфера), глазоемъ (при сл. горизонтъ), насылъ, насылка (при сл. адресъ). Г. Даль и прежде уже, въ статьяхъ своихъ, предлагалъ подобныя новосоставленныя слова; теперь онъ считалъ долгомъ *словарника* (употребляю его слово) «перевести каждое изъ принятыхъ словъ на свой языкъ и выставить тутъ же всѣ равносильныя, отвѣчающія или близкія ему выраженія рускаго языка, чтобы показать, есть ли у насъ слово это, или его нѣтъ... «Если» говоритъ онъ, «предлагаемыя слова не сыщутъ одобренія и пріема у писателей, то, можетъ быть, дадутъ поводъ къ толкамъ и къ отысканію другихъ и лучшихъ словъ, и тогда цѣль наша очевидно будетъ достигнута» [1]). Попытка замѣнять чужія слова своими, стараніе изгонять варваризмы конечно заслуживаетъ всякаго уваженія, какъ и все то, что г. Даль говоритъ объ этомъ въ своемъ предисловіи (ч. I, стр. XI—XII); однакожъ мы не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ, которое уже было выражаемо другими, что всѣ вновь придуманныя самимъ авторомъ слова должны бы быть отмѣчены особенными знаками. Г. Даль совершенно справедливо разсуждаетъ о трудности указывать всякій разъ лицо, отъ котораго то или другое слово было слышано; но что̀ бы онъ ни возражалъ противъ приведеннаго требованія, мы находимъ, что никакое новое слово (какъ напр. міроколица) не могло быть составлено имъ безсознательно, и потому не понимаемъ, что̀ мѣшало ему отмѣчать такія слова. Отъ несоблюденія этого пользующійся словаремъ поставленъ въ большое

---

[1]) Сл., ч. I, стр. X и XII, и ч. IV: «Отвѣтъ на приговоръ», стр. 1—4.

затрудненіе. Чтобы убѣдиться, ходитъ ли въ народѣ такое-то слово, употребленное г. Далемъ въ толкованіяхъ и кажущееся по чему-либо сомнительнымъ, необходимо каждый разъ справиться, стои́тъ ли это слово въ красной строкѣ. Но въ красной строкѣ помѣщены только слова относительно первообразныя; а затѣмъ между производными отъ нихъ, напечатанными также крупнымъ шрифтомъ, иногда встрѣчаются опять-таки сомнительныя слова (напр. *насылъ*, *насылка* въ смыслѣ «адресъ»), ничѣмъ не отличенныя отъ словъ вполнѣ достовѣрныхъ.

Для большей ясности разсмотримъ слѣдующій примѣръ. Въ толкованіи слова *горизонтъ* помѣщены у г. Даля между прочимъ слова: небоземъ, глазоемъ, зрѣймо, завѣсь, закрой *касп.*, озоръ, овидь *арх.* Ищемъ этихъ объяснительныхъ словъ, каждаго въ своемъ мѣстѣ, и находимъ: слово *зрѣймо* съ отмѣткою *стар.* и съ толкованіемъ: «видо́къ, видки, разстояніе, на какое видитъ глазъ»; но это уже не то, что горизонтъ; словъ *небоземъ* и *глазоёмъ* не находимъ вовсе; при словѣ *за́вѣсь*, подъ глаг. *завѣшивать*, не встрѣчаемъ значенія «горизонтъ»; слово же *озоръ* показано въ трехъ значеніяхъ: 1) соглядатай; 2) дозоръ; 3) горизонтъ. Итакъ, по видимому, мы вправѣ заключить, что имена *небоземъ* и *глазоемъ* составлены самимъ г. Далемъ, *завѣсь* предлагается имъ въ новомъ значеніи, *озоръ* же употребляется такъ въ народѣ. Но тутъ новое сомнѣніе: слово *озоръ* отмѣчено рязанскимъ; спрашивается, относится ли эта отмѣтка только къ первому его значенію, или ко всѣмъ тремъ; весьма любопытно было знать, въ какихъ мѣстностяхъ *озоръ* употребляется въ смыслѣ горизонта. Далѣе подъ словомъ «горизонтъ» предлагаются для замѣны его еще два мѣстныя слова: *закрой*, касп., и *овидь*, арх.; но изъ нихъ мы втораго вовсе не находимъ въ азбучномъ порядкѣ, а первое приведено подъ глаголомъ *закрывать*, какъ астрах., между прочимъ въ такомъ значеніи: «разстоянье, на которомъ въ морѣ предметъ скрывается изъ виду; 12-15 верстъ»: это опять не совсѣмъ то же, что горизонтъ и едва ли можетъ соотвѣтствовать выражаемому послѣднимъ понятію. Такимъ образомъ читатель лишенъ положительнаго и вполнѣ надеж-

наго руководства для повѣрки и оцѣнки словъ, предлагаемыхъ авторомъ въ толкованіяхъ. Когда употребленное въ объясненіяхъ слово пропущено въ алфавитной номенклатурѣ, то мы въ недоумѣніи, отъ того ли это, что оно придумано самимъ лексикографомъ, или пропускъ произошелъ случайно. Когда же такое пояснительное слово стоитъ еще и въ настоящемъ своемъ мѣстѣ, но безъ означенія, откуда оно родомъ, то мы опять не можемъ быть вполнѣ увѣрены въ его дѣйствительномъ существованіи. Такъ изъ словъ, предлагаемыхъ г. Далемъ для перевода имени *атмосфера*, мы правда встрѣчаемъ *колоземицу* подъ словомъ *коло*, но, не видя, изъ какой мѣстности оно заимствовано, сомнѣваемся, точно ли это—народное слово, тѣмъ болѣе, что при немъ находимъ только примѣръ изъ области науки: «Дознано, что у луны колоземицы нѣтъ». Другое въ томъ же значеніи предлагаемое слово: *мироколица* не помѣщено въ номенклатурѣ, и мы слѣдовательно вправѣ думать, что оно принадлежитъ самому г. Далю; но опять насъ приводитъ въ сомнѣніе то, что оно встрѣчается подъ словомъ *вода* въ слѣдующей фразѣ: «испаренія водныя наполняютъ мироколицу въ видѣ облаковъ» и проч. Казалось бы, что если это слово—придуманное, то не слѣдовало бы употреблять его иначе, какъ при самомъ словѣ *атмосфера*, къ переводу котораго оно должно служить.

Обратимся теперь къ способу расположенія словъ у г. Даля. Чисто азбучный порядокъ, въ которомъ, по его выраженію, каждое слово объясняется само по себѣ, казался ему «тупымъ и сухимъ»; а корнесловный, «подбирающій слова цѣлыми ватагами подъ одинъ корень», слишкомъ труднымъ и неизбѣжно-ведущимъ къ произволу. Поэтому г. Даль придумалъ средній путь: онъ рѣшился собрать по *семьямъ* или *гнѣздамъ* всѣ очевидно сродственныя слова, устранивъ однакоже предложныя и тѣ производныя, въ коихъ измѣняются начальныя буквы [1]).

Возьмемъ для примѣра слово *садъ*. Мы найдемъ его не въ

[1]) Сл., ч. I, стр. VIII.

красной строкѣ; а середи сплошныхъ строкъ, составляющихъ гнѣздо, которое идетъ отъ глагола *сажать*, *садить*. Въ томъ же гнѣздѣ помѣщены слова: *сажанье*, *садка*, *садокъ*, *сажалка* и пр. Совсѣмъ другую отрасль того же корня составляетъ глаголъ *сидѣть* съ своими производными: *сидка*, *сидячій*, *сидень*, *сидѣлецъ* и т. д., а потому вся эта отрасль и отдѣлена въ особое гнѣздо. Предложныя слова *посадка*, *присядка*, *всадникъ*, *осада* и проч., какъ начинающіяся другими буквами, стоятъ опять каждое въ своемъ гнѣздѣ; гнѣзда же по большей части начинаются глаголами, каковы для этихъ словъ: *посадить*, *присѣдать*, *всаживать*, *осаживать*. Такъ же точно въ отдѣльныхъ гнѣздахъ стоятъ наприм. слова *грузъ*, *грязь*, *погружать*, *погрязнуть*, или: *трясти*, *трусъ*, *отряхать*, *растряхивать*.

Нельзя не отдать полной справедливости этой разумной и удобной системѣ. Но правильное примѣненіе ея къ дѣлу не такъ легко, какъ оно кажется, потому что требуетъ глубокаго этимологическаго знанія языка, основательнаго филологическаго образованія. Доказательствомъ трудности этой задачи служитъ то, что и такой рѣдкій практическій знатокъ языка, каковъ г. Даль, часто ошибается какъ въ распредѣленіи гнѣздъ, такъ и въ размѣщеніи словъ въ томъ или въ другомъ гнѣздѣ. Къ одному и тому же гнѣзду онъ относитъ иногда слова различнаго происхожденія, и наоборотъ, слова близкія одно къ другому по корню и составу разноситъ, вопреки своему плану, въ разныя гнѣзда; наконецъ слова́, собранныя въ томъ же гнѣздѣ, часто слѣдуютъ одно за другимъ безъ опредѣленнаго порядка, что̀ неминуемо затрудняетъ отысканіе ихъ, тѣмъ болѣе, что и шрифтъ не всегда употребляется согласно съ заявленными авторомъ правилами.

Все это легко доказать примѣрами:

1. Примѣры невѣрнаго распредѣленія гнѣздъ.

Слова *гудить*, *густи* и *гусли* поставлены каждое въ главѣ особаго гнѣзда, тогда какъ два послѣднія должны бы стоять подъ первымъ въ одномъ гнѣздѣ.

Слово *крица* есть только другая форма слова *кра* и не должно было составить отдѣльнаго гнѣзда.

То же надобно сказать о словахъ: *дикій* и *дичь*, *горнъ* и *горшокъ*, изъ которыхъ каждое ошибочно служитъ у г. Даля началомъ отдѣльнаго гнѣзда (*горшокъ* относится къ *горну* такъ же, какъ *корешокъ*, *гребешокъ*, *плетешокъ*, *черешокъ* къ словамъ: *корень*, *гребень*, *плѐтень*, *черенъ* [1]); *ворота* и *воротить*; *вязать* и *вясло*; *везти* и *весло* [2]); *мазать* и *масло*. Незначительное измѣненіе согласныхъ въ серединѣ этихъ словъ не должно было служить препятствіемъ къ соединенію ихъ въ одно гнѣздо, такъ какъ въ другихъ случаяхъ г. Даль сближаетъ слова, гораздо болѣе расходящіяся по звуковому составу, а въ совершенно сходномъ случаѣ правильно ставитъ въ одно гнѣздо слова́ *перевязать* и *перевясло*. Соединяетъ же онъ равнымъ образомъ *весна* и *вешній*, *вешня*, *вешнякъ*; *великій* и *величать*, *величіе*, *вельможа*; даже *закладывать* и *залогъ* (между тѣмъ *налагать* и *накладывать*, *прилагать* и *прикладывать*, *отлагать* и *откладывать* и т. д. помѣщены, какъ и слѣдовало, въ разныхъ гнѣздахъ).

2. Примѣры невѣрнаго размѣщенія словъ въ гнѣздѣ.

Глалолъ *здать* поставленъ въ гнѣздѣ, начинающемся съ имени *зданіе*, тогда какъ послѣднее — отглагольное существительное. Въ связи съ этимъ замѣчу, что остальныя слова, произведенныя отъ того же корня, какъ *зиждитель*, *зиждительный* и проч., отнесены къ особому гнѣзду, подъ глаголомъ *зиждить*, котораго вовсе нельзя допустить. Настоящее время *зижду*, *зиждешь* и т. д. есть отрасль глагола *здать*. Но если и допустить въ новомъ языкѣ такую неправильно образованную форму какъ

---

[1]) Въ одномъ изъ своихъ *Прибавленій* (ч. I) г. Даль, правда, сближаетъ *горшокъ* съ *горномъ*; но думаетъ, что *горшокъ* есть сокращеніе изъ *горншекъ*. На самомъ же дѣлѣ буква *н* тутъ просто превращается въ *ш*, какъ въ словахъ: *головня*, *головешка*, *дровни*, *дровешки*, *польно*, *польшко*.

[2]) Производство слова *весло* отъ *везти* не ново: оно указано еще Добровскимъ въ его Etymologikou (стр. 7 и 59), и принято Рейфомъ.

зиждить (по примѣру *жаждать* вм. *жадать*), то все же она должна бы помѣщена быть, разумѣется съ оговоркою, подъ глаголомъ *здать*. Въ алфавитномъ же порядкѣ, въ красной строкѣ, она могла быть поставлена только со ссылкою: см. *здать*. Такъ же точно слѣдовало поступить съ словомъ *зодчій*, которое равнымъ образомъ происходитъ отъ *здать*, а не ставить его въ новомъ гнѣздѣ подъ словомъ *зодчество*. Изъ этихъ же двухъ существительныхъ послѣднее конечно далѣе отъ корня чѣмъ *зодчій*.

Такая же мнимая глагольная форма какъ *зиждить* есть форма *зыбить*, поставленная г. Далемъ возлѣ истинной: *зыбать*. По мнѣнію его, настоящее: *зыблю*, *зыблешь* относится къ первой формѣ, а *зыбаю*, *зыбаешь* ко второй. Но г. Даль не принялъ въ соображеніе, что есть цѣлый разрядъ глаголовъ, въ которомъ формы настоящаго вр. и неопред. наклоненія находятся между собою въ такомъ точно отношеніи, какъ *зыблю* и *зыбать*; именно глаголы: *колебать*, *дремать*, *сыпать*, *капать*, *вязать*, *мазать*, *плакать*, *чесать*, *пахать* и проч. Во всѣхъ ихъ согласная, стоящая въ неопред. накл. передъ окончаніемъ *ать*, умягчается въ настоящемъ времени (б′ = бл, м′ = мл, п′ = пл, з′ = ж, к′ = ч, с′ = ш, х′ = ш).

Когда гнѣздо начинается предложнымъ глаголомъ, то этотъ глаголъ у г. Даля всегда ставится въ несовершенномъ видѣ, напр. скашивать, скрещивать, умаливать (при умалять и умолять), устаивать, устраивать. Это неудобно, потому что затрудняетъ пріискиваніе словъ, выставляя на первый планъ форму болѣе видоизмѣненную чѣмъ ближайшій къ корню совершенный видъ: скосить, скрестить, устоять, устроить. Лучше было бы предпочесть противоположный порядокъ, такъ какъ гораздо рѣже случается, чтобы наоборотъ корень цѣлѣе оставался въ несовершенномъ видѣ; это бываетъ только въ глаголахъ на *чь*: *сберегать*, *сберечь*; *протекать*, *протечь*. Въ несоверш. же видѣ нѣкоторые предложные глаголы и вовсе не употребительны (напр. отъ постыцуть, поблѣднѣть, побѣжать, поздоровилось). Впрочемъ понятно, что какой бы однообразный порядокъ ни выбрать,—а это необходимо,—каждый имѣлъ

бы, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, свою невыгодную сторону; замѣченное же нами неудобство метода г. Даля въ отношеніи къ предложнымъ глаголамъ уменьшается тѣмъ, что и совершенный видъ всегда стоитъ у него отдѣльно со ссылкою на несовершенный.

3. Примѣры словъ, попавшихъ не въ свои гнѣзда.

Дышло, помѣщенное подъ словомъ *дыхать*, должно стоять отдѣльно, какъ слово германское (Deichsel, старонѣм. dihsila, англос. disl, голл. dyssel), перешедшее къ намъ вѣроятно черезъ Польшу (dyszel).

Колѣть произведено отъ слова *колъ* и опредѣлено такъ: «цѣпенѣть, коченѣть, замерзать коломъ». Но оно совершенно другаго происхожденія, какъ видно изъ финскаго кореннаго слова kuoli = смерть, и англ. to kill — убивать. Слово же *колъ*, означающее «завостреный шестъ», находится въ очевидной связи съ первообразнымъ глаголомъ *колоть*, подъ которымъ и должно было найти мѣсто, такъ же какъ *ломъ* правильно поставлено подъ *ломать*. Между *колѣть* и *колъ*, въ этимологическомъ смыслѣ, нѣтъ никакого соотношенія.

Цѣпъ пріурочено къ слову *цѣпь*, но имѣетъ совершенно самостоятельный корень (сканд. käpp, палка), какъ и самостоятельное значеніе: Шимкевичъ справедливо раздѣлилъ эти два имени въ своемъ Корнесловѣ.

Потолокъ попалъ въ гнѣздо глагола *поталкивать*, *потолкать*, тогда какъ ближе относится къ семейству глагола *толочить* (топтать), такъ же какъ *притолока*, отнесенное г. Далемъ къ глаголу *приталкивать*. Нѣтъ сомнѣнія, что *толо́къ* есть русская, полногласная форма славянскаго слова *тлакъ*, которое у Хорутанъ значитъ *полъ* (Boden, Estrich; ср. русское *тло* = основаніе). Отвергать это потому, что *потолокъ* по значенію противоположенъ *полу* было бы несправедливо: *потолокъ* въ отношеніи къ пространству, находящемуся надъ нимъ подъ крышей, составляетъ именно *полъ*. Такъ точно у Нѣмцевъ *Boden*, означаю-

щее исподъ, основаніе, полъ, перешло въ значеніе чердака ил чердачнаго пола (см. словарь Гримма, т. II, стр. 214). Помѣстивъ *потолокъ* въ гнѣздѣ глагола *поталкивать*, г. Даль въ другихъ мѣстахъ выражаетъ догадку, что это существительное, быть можетъ, — искаженное говоромъ *подволокъ*, слово, имѣющее въ Арх. губ. то же значеніе. Но по какому же фонетическому закону было бы возможно такое превращеніе? Для этого нѣтъ ни данныхъ, ни аналогій въ цѣлой области славянскихъ языковъ.

Названное нами мимоходомъ слово *тло* неправильно отнесено къ глаголу *тлѣть*. Въ эту ошибку впалъ и академическій словарь, по которому *тло* то же, что *тлѣнъ*. *Тло*, какъ выше замѣчено, заключаетъ въ себѣ корень глагола *толочить* и значитъ просто: основаніе, дно. Это видно между прочимъ изъ его народнаго употребленія въ смыслѣ *дно улья* (что̀ означено и г. Далемъ по акад. областному словарю). Еще болѣе убѣждаетъ въ томъ сравненіе съ другими славянскими языками: у Хорутанъ tla, множ. ч., съ предлогомъ do (do tal) значитъ: до основанія (bis auf den Boden, *Murko*); польское tło значитъ полъ, грунтъ, der Fussboden, der Boden (*Linde*); наконецъ и въ церк. слав. *тьла* или *тьлѧ* (множ.)=pavimentum, помостъ (*Востоковъ*). Въ выраженіи: «сгорѣть до тла» нѣтъ никакого соотношенія съ понятіемъ *тлѣнія*: оно равносильно выраженію: «сгорѣть до основанія».

Въ упомянутыхъ выше двухъ родственныхъ гнѣздахъ: *садить* и *сидѣть*, опять не все на своемъ мѣстѣ. Такъ глаголъ *сѣсть* отнесенъ къ первому изъ этихъ гнѣздъ, а не къ послѣднему, что̀ было бы конечно правильнѣе. Сдѣлано это по сходству значенія глаголовъ *садиться* и *сѣсть*, которые потому и поставлены рядомъ, и примѣры на тотъ и другой смѣшаны; но основаніемъ распредѣленія гнѣздъ должно служить сродство не логическое, а корнесловное.

Слово *просторъ* отнесено къ гнѣзду *простой*; а въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ къ одному корню съ гл. *простирать*, который образуетъ у г. Даля гнѣздо, вмѣщающее только существи-

тельныя *простиранie*, *простертie*, *простирало*, *простиратель*. Туда не включено даже слово *пространный*, которое съ сущ. *пространство* опять отдѣлено въ особое гнѣздо. Очевидно, что всѣ эти предложныя слова въ близкомъ родствѣ съ простымъ существительнымъ *страна*, *сторона*.

Впрочемъ, при указанiи подобныхъ промаховъ въ словарѣ г. Даля надобно быть осторожнымъ, потому что многiе изъ нихъ, очевидно, произошли не отъ недостатка познанiй у составителя, а просто по недосмотру, иногда и независимо отъ самого автора, по винѣ типографiи, помѣстившей напримѣръ слово *утопiя* въ гнѣздѣ глагола *утопить*, нелѣпость, которой конечно не допустилъ бы г. Даль, еслибъ во-время ее замѣтилъ. Зная, что онъ отъ начала до конца работалъ одинъ и тѣмъ болѣе спѣшилъ, что силы, потрясенныя болѣзнью, начинали ему измѣнять, мы не можемъ не смотрѣть съ нѣкоторымъ снисхожденiемъ на подобные недосмотры.

Но вообще словопроизводство, или корнесловiе (этимологiя въ обширномъ смыслѣ) составляетъ самую слабую сторону разбираемаго словаря. Въ предисловiи своемъ г. Даль справедливо говоритъ, что «знанiе корней образуетъ уже по себѣ цѣлую науку и требуетъ изученiя всѣхъ сродныхъ языковъ, не исключая и отживших, и при всемъ томъ корнесловный порядокъ основанъ на началахъ шаткихъ и темныхъ, гдѣ безъ натяжекъ и произволу не обойдешься... Ошибочная натяжка словъ къ чужому корню, по одному созвучiю, много вредитъ изученiю языка, лишая слова природной связи и жизни». При такомъ вѣрномъ пониманiи дѣла г. Даль, не довѣряя своимъ силамъ и знанiямъ (о которыхъ онъ самъ отзывается съ такою скромностью), отказался отъ этимологическаго порядка и заявляетъ, что «онъ старательно избѣгалъ ошибочнаго производства (чему множество примѣровъ у Рейфа) и боялся приговоровъ въ такомъ темномъ дѣлѣ» [1]. Нельзя не пожалѣть, что авторъ «Толковаго словаря», разсуждая такъ здраво о трудностяхъ этимологiи, часто безъ всякой надобности вы-

[1]) Сл., ч. I, стр. IV, VI, VIII — IX.

ражаетъ по этому предмету догадки, которыхъ не можетъ одобрить наука. Къ чему напр. при словѣ *казакъ*, начинающемъ гнѣздо, онъ ставитъ въ скобкахъ: «изъ всѣхъ производствъ самое толковое отъ гл. *казать*, — *ся*, гарцевать; но вѣроятно это сл. азіятское». Если послѣднее вѣроятно, какая же надобность въ приведенномъ напередъ предположеніи? Такъ же непонятно, зачѣмъ противъ глаг. *обруснить* сдѣлана выноска: «не отъ этого ли *брусника*?» или зачѣмъ при словѣ *телега* поставлено въ скобкахъ: «отъ *тал*, доля, и *иго*: *пол-ига*, одноконный, оглобельный возъ». Не болѣе основательно при словѣ *вьюнецъ* [1]) подъ *въять* или *віять* примѣчаніе: «не переиначено ли изъ вѣнецъ?» или при словѣ *истинъ* (подъ истекать): «здѣсь сходится производство отъ течь, тыкать и тнуть». Г. Даль вообще любитъ видѣть въ одномъ словѣ нѣсколько корней, и при существ. *перетонъ* опять замѣчаетъ: «здѣсь три корня: тнуть, тѣнь и тонкій». При словѣ *гуртъ* указано въ скобкахъ для поясненія: *горнуть*; этотъ же глаголъ, ошибочно помѣщенный подъ *горнъ*, зн. загребать, воротить. Но *гуртъ* есть герм. слово (шв. hjord, нѣм. Heerde) и значитъ первоначально стадо рогатаго скота. Ограничимся этими примѣрами.

Подобно корнесловію, и грамматика не всегда можетъ быть довольна обращеніемъ съ нею г. Даля. Свой взглядъ на нее онъ самъ объясняетъ въ предисловіи: по его словамъ, «онъ съ нею искони былъ въ какомъ-то разладѣ, не умѣя примѣнить ее къ нашему языку и чуждаясь ее (*ея*), не столько по разсудку, сколько по какому-то темному чувству опасенія, чтобы она не сбила его съ толку, не ошколярила, не стѣснила свободы пониманья, не обузила бы взгляда. Недовѣрчивость эта», прибавляетъ онъ, «основана была на томъ, что онъ всюду встрѣчалъ въ руской граматикѣ латынскую и нѣмецкую, а руской не находилъ» [2]). Изъ этихъ

---

[1]) Слово *вьюнецъ* (зн. новобрачный) есть не что иное какъ юнецъ съ придыханіемъ въ началѣ: оно должно было стоять отдѣльно со ссылкою на прилаг. *юный*, подъ которымъ мы у г. Даля дѣйствительно находимъ между прочимъ: *юнецъ*, *юница* (новобрачные).

[2]) Сл., ч. I, стр. IV.

словъ становится яснымъ, что подъ грамматикой г. Даль разумѣетъ не вообще науку о законахъ языка, а какой-нибудь или какіе-нибудь частные труды по этой наукѣ. Но что же мѣшало ему понимать законы языка по-своему и основать на нихъ свою особую грамматику? Самъ же онъ называетъ себя *ученикомъ живаго русскаго языка*; а съ помощію такого разумнаго учителя внимательный и способный ученикъ могъ бы разъяснить многія тайны, для другихъ непроницаемыя. Насколько грамматика входитъ въ словарное дѣло, г. Даль въ нѣкоторыхъ случаяхъ и оказалъ ей по крайней мѣрѣ отрицательную услугу, отвергнувъ наприм. обозначеніе при каждомъ глаголѣ залога его, что̀ всѣ прежніе словари наши считали одною изъ своихъ непремѣнныхъ обязанностей. Но еще Востоковъ въ своей грамматикѣ (Спб. 1839, § 57) мимоходомъ замѣтилъ, что залоги «различаются не по окончаніямъ, а *по значенію*, какое глаголъ получаетъ *въ употребленіи* съ другими словами». Отсюда уже ясно, что невозможно при каждомъ глаголѣ a priori означать свойственный ему залогъ. Тѣмъ не менѣе никто до автора «Толковаго Словаря» не воспользовался на дѣлѣ скромною, но многозначительною замѣткою Востокова. Несообразности, вкравшіяся отъ того въ академическій словарь, навели г. Даля на мысль совершенно исключить изъ своего словаря, при глаголахъ, всякое наименованіе залога. Стараясь вообще замѣнять теорію практикой, онъ относительно этого предмета въ *Напутномъ словѣ* оговариваетcя слѣдующимъ образомъ: «Граматическія указанія въ словарѣ вобще скудны, потому что оказываются то ничтожными и бесполезными, то сбивчивыми и даже ложными; языкъ нашъ нынѣшней граматикѣ своей не поддается. Приложеніе слова къ дѣлу, отношенія его въ строеніи речи, управленіе или зависимость всюду объяснены примѣрами, и въ нихъ должно искать объясненія всѣхъ подобныхъ вопросовъ»... Такъ, между прочимъ, «при каждомъ коренномъ глаголѣ показаны примѣры сочетанія его со всѣми подходящими къ нему предлогами» [1]).

---

[1]) Сл., ч. I, стр. I (подстрочное примѣч.).

Напр. подъ глаголомъ *строить* находимъ фразы: «Выстроить домъ, войска выстроились. Я достраиваюсь. Нельзя застраивать улицы. Настроить клѣтушекъ. Надстроилъ вышку. Онъ хорошо обстроился» и т. д. Хотя все это по-настоящему разные глаголы, однакожъ такое указаніе предложныхъ словъ при простомъ, изъ котораго они составлены, должно быть признано дѣйствительно полезнымъ.

Между грамматическими недоразумѣніями г. Даля нельзя умолчать о слѣдующемъ: слово *пѣши* принимается имъ за нарѣчіе того же значенія, какъ *пѣшкомъ*. Это ясно выражено имъ между прочимъ подъ прилаг. *пѣшій*: «кто не ѣдетъ, идетъ на своихъ ногахъ, идетъ *пѣши, пѣшкомъ*». Такое пониманіе формы *пѣши* видно и изъ другихъ мѣстъ словаря. Отъ вниманія г. Даля ускользнуло, что *пѣши* не что иное, какъ прилаг. множ. числа, въ единственномъ же ставится точно такъ же *пѣшъ, пѣшій*. Такъ Ломоносовъ говоритъ: «Не хотимъ ни *пѣши*, ни на коняхъ идти съ вами» (Соч. его, ч. III, стр. 165). Въ Ипат. спискѣ: «*пѣшь* ходя» (155) [1]). У Державина (*Къ Калліопѣ*, 2 ак. изд., т. III, стр. 75):

. . . . . «пловцомъ пущусь охотно
Въ ярящійся Босфоръ, въ пески ливійски *пѣшъ*»,

или у него же (*Жилище богини Фригги*, тамъ же, стр. 81):

«*Пѣши* въ бубны рыцари стучатъ».

Нигдѣ и никогда форма *пѣши* не служила нарѣчіемъ.

Вниманія заслуживаетъ, что между словами, пропущенными въ словарѣ г. Даля, значительное число составляютъ грамматическіе термины; такъ напр. вы здѣсь не найдете грамматическаго объясненія словъ: *приставка, подъемъ, перебой* (звуковъ), *наращеніе, общій* (въ смыслѣ залога), и вовсе не найдете словъ: *суффиксъ*,

---

[1]) Въ *Историч. грамматикѣ* г. Буслаева (изд. 1863, § 228) указаны и нѣкоторыя другія прил., употребляемыя такимъ образомъ какъ бы вм. нарѣчій: *правъ, прямъ, радъ, добръ* и проч.

Г. Даль пишетъ: «За нужду *пѣши* пойдешь», вм. *пѣшій*, см. подъ словомъ *нужда*, Сл. ч. II, стр. 1142. — Подъ словомъ *идти* также приведенъ примѣръ: «*я шелъ пѣши*» (стр. 632).

агглутинація, *лексическій*, *флексія*, *фонетическій* и проч. Самые же общеизвѣстные грамматическіе термины, не пропущенные г. Далемъ, обставляетъ онъ иногда слишкомъ произвольными замѣчаніями; напр. подъ словомъ *наклоненіе* онъ говоритъ, что у насъ принято три наклоненія и прибавляетъ: «*одно личное*, *другое безличное*, *третье приказываетъ*». Почему же здѣсь первыя два названы по внѣшнему признаку, а послѣднее по значенію (впрочемъ, также оспариваемому иными)? Притомъ же г. Даль здѣсь забылъ истину, очень хорошо имъ самимъ сознанную и выраженную такъ: «словарникъ не законникъ, не уставщикъ, а сборщикъ» [1]).

Отношеніе г. Даля къ грамматикѣ обнаруживается особенно изъ замѣчаній, которыми онъ объясняетъ принятую имъ своеобразную орѳографію. Этого предмета мы также не можемъ оставить безъ вниманія. По приведенному сейчасъ правилу лексикографъ не долженъ бы и въ отношеніи къ правописанію позволять себѣ слишкомъ рѣзкихъ нововведеній; въ противномъ случаѣ при употребленіи словаря будутъ возникать неизбѣжныя затрудненія и недоумѣнія.

Справедливо предположивъ себѣ «охранять такое правописаніе, которое бы всегда напоминало о родѣ и племени слова» [2]), г. Даль относительно иноязычныхъ словъ считаетъ это начало совершенно ненужнымъ и пишетъ ихъ только по слуху, вовсе не заботясь о ихъ первоначальной орѳографіи. Согласимся однакожъ, что и иностранное слово будетъ во многихъ случаяхъ понятнѣе, если не потеряетъ на письмѣ всѣхъ признаковъ своего происхожденія. Разумѣется, что мы обязаны сохранять правописаніе чужаго слова лишь на столько, на сколько это позволяютъ средства нашей азбуки. Читатель конечно никогда не будетъ въ проигрышѣ, если онъ по нашему правописанію будетъ въ состояніи хотя отчасти возстановить первоначальную орѳографію заимствованнаго слова или имени. Мы напр. пишемъ то *штатъ* (какъ въ

---

[1]) Сл., ч. I, стр. XI.

[2]) Тамъ же, стр. XII и далѣе.

прил. *заштатный*), то *штадтъ* (какъ въ названіи *Кронштадтъ*); ужели же было бы лучше писать во всѣхъ случаяхъ по примѣру г. Даля однообразно *штатъ?*

Далѣе, онъ принялъ за общее правило не сдваивать буквъ, т. е. не писать рядомъ двухъ *с*, двухъ *н*, двухъ *о*: ему показалось, что наше одно *с* не мягче иностраннаго двойнаго *ss*, и что сдваивать *с* противно русскому языку (а какъ же произошли слова: *ссора*, *ссадить*, *ссылка*, *изсохнуть*, *разспять?*). Поэтому онъ пишетъ: *класъ* (вм. *классъ*), *каса*, *маса*, *шосе*, и даже *Росія; рускій*, *франиускій*, *бесвязно*, *бестыдно*, *раставлять*. Онъ не сдваиваетъ обыкновенно и буквы *н* въ причастіяхъ страдательныхъ, исключая случаевъ, «гдѣ этого неуступчиво требуетъ произношеніе» [1]); такъ онъ пишетъ: *опредѣленый*, *дѣланый*, *своевременый*, и — *данный*, *бездыханный*, *деревянный*, *совершенный*, *сокращенный*; очевидно, что тутъ между обоими случаями невозможно провести ясной границы. Вмѣсто *выжжешь*, *выжженый*, онъ по тому же соображенію пишетъ *вызжешь* (забывая, что корень слова *жг* и что *г* неминуемо переходитъ въ *ж*); далѣе на томъ же основаніи мы находимъ у него: *вобще*, *вображеніе*, *воружать*, *сотвѣтствовать*, но — не рѣшаясь слѣдовать этому во всѣхъ случаяхъ, онъ въ то же время пишетъ: *сообщать*, *соображеніе*, *соотечественникъ*. Иногда г. Даль предлагаетъ въ пользу выговора ужъ слишкомъ большія уступки: такъ онъ не разъ замѣчаетъ, что для отличія глагола *стоя́ть* и *сто́ить* можно бы, не стѣсняясь грамматикой, писать какъ говорится: *сто́ютъ*, *сто́ющій*, и даже: онъ *сто́етъ* [2]).

---

[1]) *Сл.*, ч. I, стр. 2.

[2]) *Сл.*, ч. I, стр. 372, 373, 427.

— Подобныя грамматическія замѣтки г. Даля обыкновенно помѣщаются имъ въ выноскахъ. Въ одной изъ нихъ предлагается вопросъ, на который отвѣчу въ выноскѣ же. Принявъ за правило писать въ предложн. падежѣ: *На безлюдьи, на безміръи,* а не на безлюдьѣ, на безмірьѣ, и утверждая, что русское ухо требуетъ здѣсь звука *и*, г. Даль замѣчаетъ: «Говоримъ же мы и «пишемъ: *при окончаніи,* если произвольно оканчиваемъ слово въ им. пад. на

Впрочемъ, указывая на непослѣдовательность и неправильности орѳографіи г. Даля, мы должны замѣтить, что противорѣчія, существующія въ нынѣшнемъ нашемъ правописаніи, дѣйствительно ставятъ въ затрудненіе всякаго, кто чувствуетъ потребность твердыхъ началъ въ употребленіи языка. Такъ напр. въ нѣкоторыхъ иноязычныхъ именахъ согласныя давно уже не

іе; а если то же слово кончаемъ на *ье*, то требуемъ въ пред. пад. *ѣ*; для чего «это?» (Сл., ч. I, стр. 57).

Чтобы основательнѣе рѣшить этотъ вопросъ, надобно вспомнить, что имена на *е* бываютъ двоякія: одни передъ этимъ окончаніемъ имѣютъ согласную (*поле, море*), другія гласную *і*, то полную (*іе*), то сокращенную въ *ъ* (*ье*).

Имена какъ *поле, море* склоняются подобно именамъ на *о* и потому въ предл. падежѣ принимаютъ *ѣ*: въ *полѣ*, въ *морѣ*.

Имена на *ье* склоняются точно такъ же, что всего виднѣе тогда, когда на послѣдній слогъ падаетъ удареніе: *копьё, ружьё, пиньё, питьё, житьё-бытьё*; въ предл. падежѣ мы говоримъ и пишемъ: *на копьѣ, въ ружьѣ, при пиньѣ, въ питьѣ*, о *житьѣ-бытьѣ*. Поэтому слѣдуетъ писать: *въ платьѣ, въ зельѣ*.

Окончаніе *іе*—собственно црк. славянское, и потому въ предл. падежѣ такихъ именъ сохраняется также форма первоначальная (*іи*), которая впрочемъ по закону уподобленія звуковъ не противна и русскому слуху (*при окончаніи, о равновѣсіи, въ сочувствіи*). Какъ скоро предпослѣдняя буква *і* сокращается въ *ъ*, то собственно исчезаетъ и причина измѣненія *ѣ* въ *и*, а потому и можно позволять себѣ писать, какъ напр. Крыловъ въ этомъ стихѣ:

«Миръ курамъ давъ лиса, постится *въ подземельѣ*.» (*Моръ звѣрей*).

Но такъ какъ наше ухо уже привыкло къ окончанію *іи* и сокращеніе *і* въ *ъ* въ другихъ падежахъ остается безъ вліянія на прочія буквы, то мы и въ этомъ случаѣ склонны сохранять въ предл. пад. окончаніе *ьи*. Это окончаніе, какъ менѣе отступающее отъ полнаго, первоначальнаго, многимъ кажется даже правильнѣе и потому вообще предпочитается (напр. пишутъ: *о здоровьи, о самовластьи, на новосельи, на жалованьи*). Форма же *ьѣ* (безъ ударенія) въ предлож. пад. остается принадлежностью только не многихъ чисто-русскихъ именъ существит. (въ *платьѣ, на раздольѣ*), или употребляется въ стихахъ подъ риѳму именительному падежу (такъ у Крылова *въ подземельѣ* поставлено въ созвучіе слову *веселье*). Что языкъ дѣйствительно допускаетъ и ту и другую форму, видно опять изъ такихъ словъ, гдѣ удареніе на послѣднемъ слогѣ: говорятъ одинаково и *въ забытьѣ* и въ *забытьи*.

Указанное выше правило измѣненія *и* въ *ѣ* послѣ *ъ* подтверждается и именами, кончающимися въ имен. пад. на *ія*. При полномъ окончаніи они принимаютъ въ дат. и предл. пад. *іи*, напр., *къ молніи, къ Софіи, при Наталіи*; а при сокращеніи *і* въ *ъ*, говорятъ и пишутъ: *къ Софьѣ, при Натальѣ*. Для повѣрки этого стоитъ равнымъ образомъ взять слово съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, напр. *судья, скуфья, семья;* мы говоримъ: *къ судьѣ, въ скуфьѣ, о семьѣ*, а не *къ судьи* и т. д.

сдваиваются у насъ; мы пишемъ: *адресъ* (вм. адрессъ), *интересъ* (вм. интерессъ), *офицеръ*, *камергеръ*, *команда*, *комендантъ*, *рекомендовать;* въ другихъ же словахъ того же корня двойныя буквы сохраняются, напр. *оффиціальный*. Такая непослѣдовательность замѣтна иногда и въ русскихъ словахъ: мы пишемъ, напр., вопреки производству *отворить* (вм. *оттворить*) и *раззорить* (хотя тутъ производство не такъ ясно). Поэтому естественно, что г. Даль желалъ выйти изъ этихъ затрудненій; но онъ избралъ для того слишкомъ радикальное средство, отвергнувъ всякое сдваиваніе буквъ: оказалось, что самъ онъ не могъ провести этого слишкомъ общаго правила и по необходимости впалъ въ новую непослѣдовательность. Едва ли не лучше было бы держаться такого правила: по примѣру многихъ уже утвержденныхъ обычаемъ словъ, избѣгать сдваиванія буквъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ это можетъ быть допущено безъ рѣзкаго нарушенія привычки и выговора или безъ смѣшенія словъ разнаго корня и значенія; слѣдовательно писать, напр.: *субота*, *абатъ*, *прогресъ*, *официальный*, и — *классъ* (для отличія отъ *класъ*-колосъ), *колоссъ*, *касса*, *масса*, *сумма* и проч., причастія же писать съ однимъ *н* только тогда, когда на то указываетъ самое произношеніе и когда они, большею частію безъ соединенія съ предлогомъ, теряя всякое понятіе глагола (дѣйствія), употребляются чисто какъ прилагательныя: *ученый*, *раненый*, *вареный*, *сушеный*, *кованый*, *званый*.

Нѣкоторыя изъ принятыхъ г. Далемъ отступленій отъ нынѣшней орѳографіи заслуживаютъ подражанія. Сюда относится напр. распространеніе на предлогъ *без-* общаго правила, по которому слитные предлоги, кончащіеся на *з*, измѣняютъ эту букву, передъ извѣстными согласными, въ *с*: такъ онъ пишетъ *беспокойный*, *обеспечить*; отвергать такое правописаніе нѣтъ никакого основанія. Точно такъ же онъ совершенно разумно пишетъ *предыдущій*, *безыменный*, *розыгрышъ* и т. п., по примѣру словъ *взысканіе*, *розыскъ*, *сыграть*, гдѣ это правописаніе давно уже утвердилось (*ы*, какъ показываетъ самое названіе этой буквы, = ъ + и). Справедливо равнымъ образомъ правило г. Даля писать *е* тамъ,

«гдѣ нѣтъ настойчиваго требованія на *ѣ*». Извѣстно, что въ нынѣшнемъ языкѣ давно уже буква *ѣ* во многихъ случаяхъ вытѣснена произвольно (напр. въ словахъ *предъ*, *время*, *песокъ*): нельзя, кажется жалѣть о томъ, что къ числу этихъ словъ г. Даль присоединилъ и сущ. *речь*, *наречіе*, такъ какъ въ другихъ отрасляхъ того же корня (въ глаголѣ *реку* и въ сущ. *реченіе*) всегда писалось *е*.

Прежде нежели будемъ говорить о толкованіи словъ у г. Даля, обратимся къ весьма существенной и обширной составной части его словаря, къ примѣрамъ. Примѣрами служатъ въ немъ частью фразы, составленныя самимъ лексикографомъ; частью, впрочемъ въ весьма рѣдкихъ только случаяхъ, выписки изъ писателей съ указаніемъ ихъ именъ, или извлеченія изъ старинныхъ памятниковъ; примѣры послѣднихъ двухъ разрядовъ всегда заимствуются г. Далемъ уже готовые изъ академич. словарей. До какой степени онъ не считалъ необходимымъ пользоваться для своей цѣли непосредственно книжною литературою, видно изъ того, что онъ не извлекъ всѣхъ словъ даже изъ такихъ писателей, которые, прибѣгая часто къ народному языку, должны бы имѣть особенное право на его вниманіе. Въ сочиненіяхъ С. Т. Аксакова и даже Крылова есть слова, которыхъ нельзя найти въ словарѣ г. Даля. Не воспользовался онъ также областными словами, собранными въ разныхъ отдѣльныхъ сборникахъ и другихъ изданіяхъ, напр. въ изданіяхъ Географическаго Общества, въ *Морскомъ Сборникѣ*, въ *Изслѣдованіяхъ* Н. Я. Данилевскаго о рыболовствѣ въ Россіи. Нѣкоторые примѣры берутся г. Далемъ изъ слышанныхъ имъ разговоровъ, разсказовъ или анекдотовъ, при чемъ передаются и самые анекдоты, напр. подъ словами: *апропо*, *прислонивать*, *пила*, *пристрѣливать*, *стричь*, *книга*.

Безъ всякаго сравненія значительнѣйшую часть примѣровъ въ словарѣ г. Даля составляютъ пословицы и поговорки. Въ этомъ отношеніи трудъ его представляетъ, собственно говоря, двойной словарь: словарь языка и вмѣстѣ словарь пословицъ; слѣдовательно, одною половиной своей онъ повторяетъ сборникъ, уже

прежде изданный г. Далемъ отдѣльно [1]).. Нѣтъ сомнѣнія, что въ пословицахъ выражаются не только умъ и міровоззрѣніе народа, но и языкъ его со всѣми своими особенностями; онѣ служатъ важнымъ средствомъ для точнаго опредѣленія значенія словъ и для историческихъ надъ ними наблюденій, и потому въ словарѣ, гдѣ на первый планъ поставленъ языкъ народный, пословицы и поговорки весьма умѣстны. Но, для объясненія слова, нѣтъ надобности въ собраніи всѣхъ пословицъ, гдѣ оно встрѣчается; нужно было бы только имѣть при каждомъ словѣ выборъ тѣхъ пословицъ, гдѣ оно употреблено съ различнымъ оттѣнкомъ значенія. Впрочемъ, конечно, нельзя отвергать интереса и пользы обзора всѣхъ случаевъ, въ которыхъ обнаружилась игра народнаго ума надъ тѣмъ или другимъ представленіемъ; но это къ изученію языка прямо не относится. Такая полнота собранія пословицъ въ словарѣ имѣетъ только то неудобство, что слишкомъ увеличиваетъ объемъ его, а слѣдовательно уменьшаетъ его доступность, вредитъ его распространенію. Мы не будемъ слишкомъ строго судить г. Даля за то, что нѣкоторыя пословицы у него повторяются въ двухъ разныхъ мѣстахъ словаря, напр. извѣстная пословица: «Не всякое лыко въ строку», помѣщена подъ обоими употребленными въ ней именами. Пословица: «Борода съ возъ, а ума съ накопыльника нѣтъ» попадается и подъ словомъ *борода*, и подъ словомъ *накопыльникъ*. Дважды помѣщены также пословицы: «Кукушка безъ гнѣзда за то, что завила его на благовѣщенье» и «Пей-ка, на днѣ копѣйки: еще попьешъ, грошъ найдешь»; при послѣдней каждый разъ повторено и объясненіе: «Отъ свадебнаго обычая класть въ вино за окупъ невѣсты деньги». Къ сожалѣнію, объясненія при пословицахъ слишкомъ рѣдки у г. Даля: ихъ часто не находишь даже и при такихъ пословицахъ, которыя не всѣмъ понятны, напр. не пояснены слѣдующія: «Нужда велитъ калачи ѣсть», или: «На людяхъ и смерть красна». Нѣкоторыя всѣмъ извѣстныя

[1]) *Пословицы русскаго народа*, М. 1862 (б. 4-ка; XL, 1095 и 6 стр.). Но здѣсь порядокъ размѣщенія пословицъ — систематическій, т. е. по предметамъ, къ которымъ онѣ относятся.

поговорки пропущены г. Далемъ, напр. эта: «пьянъ какъ стелька»; а между тѣмъ при словѣ *стелька* мы находимъ толкованіе: «мертвецки пьяный человѣкъ». Тутъ недоразумѣніе: въ этой поговоркѣ *стелька* сохраняетъ именно то значеніе, какое на первомъ мѣстѣ указываетъ г. Даль: «постилка на подошву внутри обуви»; съ нею-то и сравнивается пьяный, потому что онъ пропитанъ влагой такъ, какъ эта настилка, когда промокнетъ обувь [1]). Такія же недомолвки и повторенія представляетъ словарь и въ другихъ случаяхъ: одна и та же поговорка или реченіе повторяются иногда подъ однимъ и тѣмъ же словомъ; по два раза помѣщены, напр. подъ *гнѣздо:* «гнѣздо цѣло, а птицы у(вы)летѣли»; подъ словомъ *охота*: «охота пуще неволи», или подъ *чай:* «чай съ позолотой» (съ ромомъ). Слдва же *позолота* мы не находимъ въ азбучномъ порядкѣ.

Всего страннѣе, что иногда подъ словомъ поставлены такіе примѣры, гдѣ этого слова вовсе нѣтъ, и они относятся къ нему только по смыслу или по переводу слова. Напр. подъ словомъ *трауръ* читаемъ примѣры: «Онъ въ жалевомъ ходитъ. Семья эта въ печали, въ жали, въ жаляхъ» и т. д. Всѣ примѣры приведены тутъ на сущ. *жаль*, которое находится только въ толкованіи слова *трауръ.* Между тѣмъ такое значеніе слова *жаль* объяснено только однимъ примѣромъ на настоящемъ мѣстѣ, въ гнѣздѣ глагола *жалѣть.* Такимъ же образомъ подъ словомъ *май* мы находимъ между прочимъ собраніе примѣровъ на имя *Никола*, потому только, что Николинъ день бываетъ въ маѣ. Такіе примѣры встрѣчаются еще подъ словами: *быза* и *постъ*. Названіе *бызы* означаетъ въ народѣ 13-е іюня, акулининъ день, а потому подъ словомъ *бызы* и помѣщены примѣры на имя *Акулина*, и тутъ же находимъ напечатанныя шрифтомъ примѣровъ поясненія: «Мірская каша для нищей братіи. Праздникъ кашъ». Подъ словомъ *постъ* помѣщенъ примѣръ на имя *Предтечи* на томъ

---

[1]) При словѣ *стелька* мы не находимъ еще одного значенія, указаннаго г. Далемъ въ другомъ мѣстѣ, именно подъ словомъ *карьеръ* сказано: «скачка во весь опоръ, стелька».

основаніи, что *Предтечу* иногда называютъ *Иваномъ постнымъ*. И за тѣмъ, шрифтомъ же примѣровъ прибавлено: «Послѣднее стлище на льны. Коли журавли на Кіевъ пошли,—ранняя зима». При этомъ случаѣ насъ еще поражаетъ то, что въ главѣ гнѣзда поставлено не имя *постъ*, какъ бы слѣдовало, а глаголъ *поститъ*, *постовать*, *поститься*, *постничать*: Слово *постъ* мы тутъ даже не безъ труда отыскиваемъ, потому что оно стоитъ послѣднимъ въ ряду слѣдующихъ за глаголами и примѣрами существительныхъ: «пощенье, постованье, постничанье, постъ». Впрочемъ на подобныхъ отступленіяхъ отъ правильнаго порядка въ размѣщеніи словъ мы не будемъ останавливаться, потому что они встрѣчаются безпрестанно.

Тотъ же недостатокъ системы замѣчается у г. Даля нерѣдко и въ толкованіи словъ. Переходя къ этой важной статьѣ словаря, вспомнимъ, что̀ составитель его говоритъ въ своемъ *Напутномъ словѣ:* «При объясненіи и толкованіи слова вобще избѣгались сухія, безплодныя опредѣленія, порожденія школярства, потѣха зазнавшейся учености, не придающая дѣлу никакого смысла, а напротивъ, отрѣшающая отъ него высокопарною отвлеченностію. Передача и объясненіе одного слова другимъ, а тѣмъ паче десяткомъ другихъ, конечно вразумительнѣе всякаго опредѣленія, а примѣры еще болѣе поясняютъ дѣло. Само собою, что переводъ одного слова другимъ очень рѣдко можетъ быть вполнѣ точенъ и вѣренъ; всегда есть оттѣнокъ значенія, и объяснительное слово содержитъ либо болѣе общее, либо болѣе частное и тѣсное понятіе; но это неизбѣжно, и отчасти исправляется большимъ числомъ тождеслововъ, на выборъ читателя» [1]). Изъ этихъ строкъ видно, что г. Даль при объясненіи словъ особенно заботился 1) о простотѣ и наглядной ясности толкованій, и 2) о подборѣ возможно бо̀льшаго числа синонимовъ. Такъ, къ прилагательному *бодрый* приставлены слѣдующія слова: «свѣжій собою на видъ, бойкій, живой, не сонный, не вялый, бдительный, смѣлый, мужественный,

---

[1]) Сл., ч. I, стр. IX.

дюжій, здоровый, сильный, осанистый, видный, молодцоватый». Здѣсь насъ поражаютъ двѣ вещи: во 1-хъ, присутствіе нѣкоторыхъ словъ, по значенію слишкомъ мало подходящихъ къ объясняемому, каковы: дюжій, осанистый, видный; во 2-хъ, ненадлежащій порядокъ словъ: на первомъ мѣстѣ поставлено: *свѣжій на видъ*, слѣд. прежде всего выставлено наружное, второстепенное значеніе, а не внутреннее и первичное, лежащее въ самомъ понятіи прилаг. *бодрый* (отъ бдѣть); между тѣмъ это второстепенное значеніе повторяется въ концѣ словомъ, имѣющимъ гораздо обширнѣйшій смыслъ: *видный*; ясно, что слова «свѣжій на видъ» и «видный» должны бы стоять рядомъ въ объясненіи прилаг. *бодрый*. Посмотримъ, какъ это же слово объяснено въ академическомъ словарѣ. Тамъ мы читаемъ: «1) Бдительный. *Бодрая стража*. 2) Неустрашимый, храбрый, смѣлый. *Бодрый воинъ*. 3) Имѣющій горделивую поступь. *Бодрый конь*. 4) Имѣющій достаточныя силы. *Ему минуло 70 лѣтъ, однако онъ еще бодръ*. Сравнивая съ этимъ толкованія г. Даля, находимъ, что онъ пріискалъ, правда, нѣсколько новыхъ соотвѣтствующихъ слову *бодрый* синонимовъ, но поставилъ ихъ не въ надлежащей постепенности, которая удовлетворительно соблюдена въ академ. словарѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы открываемъ, что примѣры у г. Даля собраны уже не въ томъ порядкѣ, въ какомъ расположены оттѣнки значенія, а размѣщены совершенно случайно, именно: *Бодрый всадникъ на бодромъ конѣ. Сиди бодро, всю ночь не дремли. Иди бодрѣе, не робѣй. Онъ еще бодрый старикъ*, не хилой. *Духъ бодръ, да плоть немощна. Бодрый самъ натечетъ, на смирнаго Богъ нанесетъ. Садился, бодрился, а сѣлъ, свалился*. Здѣсь неумѣстенъ только послѣдній примѣръ, въ которомъ вмѣсто прилаг. *бодрый* мы неожиданно встрѣчаемся съ глаголомъ *бодриться*. Не будемъ винить г. Даля за то, что въ примѣрахъ на прилагательное поставлены здѣсь нарѣчія: *сиди бодро, иди бодрѣе*; положимъ, что это все равно, такъ какъ въ основномъ значеніи обѣихъ частей рѣчи въ настоящемъ случаѣ нѣтъ различія.

Часто г. Даль, при подборѣ синонимовъ, ставитъ и област-

ныя выраженія, полагая, что они «большею частью могутъ войти въ общій расхожій запасъ». Такъ при словѣ *говорить* онъ въ числѣ другихъ «однослововъ» помѣщаетъ: «баять, гуторить, бакулить, голдить, го̀лчить, *вл.* говчить». Такое собраніе провинціализмовъ можетъ, пожалуй, представлять для любителя свою занимательную сторону; но общепрактической пользы оно не имѣетъ.

Возьмемъ теперь случай совсѣмъ другаго рода. Какъ объясняетъ г. Даль, напр., глаголъ *ткать*? Развернемъ прежде акад. словарь. Вотъ какъ тамъ объяснено это дѣйствіе: «Дѣлать на ткальномъ стану нераспускаемую связь изъ нитей; производить ткань». Это объясненіе новый «Толковый словарь» поправляетъ слѣдующимъ образомъ: «Работать на ткацкомъ стану, пропускать уто́къ по осно́вѣ, дѣлать изъ нитокъ полотно». Сравнивая толкованія въ обоихъ словаряхъ, мы замѣчаемъ въ нихъ одинъ и тотъ же недостатокъ: они объясняютъ понятіе такими признаками, въ которыхъ встрѣчается либо то же объясняемое слово въ другомъ видѣ, либо такія частности понятія, которыя не могутъ быть извѣстны тому, кто не знакомъ и съ общимъ его содержаніемъ. Оба лексикона забываютъ существенное правило, что неизвѣстное можетъ быть объясняемо только извѣстнымъ, и что въ противномъ случаѣ происходитъ такъ называемый на схоластическомъ языкѣ circulus in definiendo или idem per idem. Что скажетъ *ткальный* или *ткацкій станъ*, *утокъ* и *основа* тому, кто ищетъ значенія слова *ткать*? Такъ какъ слово это имѣетъ на всѣхъ языкахъ совершенно тожественное, вполнѣ опредѣленное значеніе, то посмотримъ, какъ оно объяснено однимъ изъ европейскихъ лексикографовъ. При словѣ Weben Гейзе говоритъ: «Посредствомъ накрестъ переплетенныхъ, протянутыхъ туда и сюда нитей изготовлять матерію, при чемъ въ натянутый строй пропускаются нити въ противоположномъ направленіи (ткать полотно, сукно, кружева)» [1]. Всякій согласится, что такое объяс-

---

[1]) Durch in einander gefügte, hin und her gezogene Fäden Zeug verfertigen, indem in einen ausgespannten Aufzug Fäden in entgegengesetzter Richtung ein-

неніе правильнѣе, хотя конечно безъ нагляднаго знакомства съ производствомъ толкуемое слово все-таки не будетъ вполнѣ понятно; но такова вообще участь всѣхъ описаній сложныхъ техническихъ производствъ. По крайней мѣрѣ, тутъ нѣтъ той несообразности, которая неизбѣжна, когда послѣ предложенныхъ объясненій слова *ткать*, говорится: «*ткань* — все, что ткано; *ткальный*, *ткацкій* — ко тканію относящійся» и т. п. Непонятно, почему г. Даль произведеніемъ тканья назвалъ только полотно.

Приведенные примѣры показываютъ, что объясненія г. Даля не всегда достигаютъ той степени точности и опредѣленности, къ которой онъ стремился. Сюда относится и превратный иногда порядокъ толкованія разныхъ значеній слова. Такъ слово *цвѣтъ* начинается объясненіемъ: «краска, родъ или видъ, масть, колеръ», а уже потомъ слѣдуетъ значеніе: «Часть растенія». Очевидно, что послѣднее есть первоначальное понятіе слова, выражающееся и въ коренномъ глаголѣ *цвѣсти;* значеніе *краски* — позднѣйшее, развившееся изъ понятія о наружныхъ признакахъ цвѣтка. Въ акад. словарѣ эти разныя значенія расположены какъ слѣдуетъ.

Но въ словарѣ г. Даля есть родъ объясненій, который сообщаетъ этому труду особенную важность и вполнѣ оправдываетъ данное ему въ заглавіи названіе *толковаго*. Это реальныя, или вещественныя толкованія при такихъ словахъ, которыя относятся къ быту, къ нравамъ, обычаямъ, повѣрьямъ русскаго народа, къ промысламъ, торговлѣ, мореплаванію, наконецъ къ естественнымъ наукамъ. Въ этомъ-то, рядомъ съ богатствомъ запаса собранныхъ Далемъ словъ и примѣровъ, заключается главное, неотъемлемое достоинство его словаря. Доказательства этой заслуги почтеннаго автора такъ многочисленны, что затрудняешься выборомъ словъ, которыя могли бы самымъ убѣдительнымъ образомъ подтвердить такой отзывъ. Приведемъ однакожъ два-три примѣра.

Противъ слова *лапоть* въ академическомъ словарѣ мы находимъ самое коротенькое объясненіе: «Обувь, сплетенная изъ лыкъ,

---

geschossen werden (Leinwand, Tuch, Spitzen). Heyse, «Handwörterbuch der deutschen Sprache», Magdeburg, 1833 — 1849.

бересты или пеньки» и примѣръ: *плести лапти.* Эти полторы строки развиты у г. Даля такимъ образомъ: «Лапоть, лапото́къ, лаптишка, лаптища. Плетеная, короткая обувь, въ родѣ грубаго башмака, изъ лыкъ, иногда изъ бересты, шелюги, таловой, пвовой, вязовой коры: это *берестяники, шелюжники, бахоры, сту́пни, босовики*; изъ драни молодаго распареннаго дуба *(чрнг.)*; есть и соломеные, *курск.*, и пеньковые, *ку́рпы, крутцы́*, изъ оческовъ или изъ ветхихъ развитыхъ веревокъ, *шептуны*, и *волосяникѝ*, изъ конскихъ гривъ и хвостовъ. *Лапоть* плетется въ 5—12 лыкъ, на колодкѣ, кочедыкомъ, и состоитъ изъ *плетня* (подошвы), *головы* (переду), *обушника* (боковъ) и *запятника*; обушникъ или кайма сходится концами на запятникѣ, и связываясь, образуетъ *оборникъ*, родъ петли, въ которую продѣваются *оборы.* Поперечныя лыка, загибаемыя на обушникѣ, называются *курцами*; въ и*плетнѣ* обычно десять *курцевъ.* Иногда лапоть еще *подковыриваютъ*, проводятъ по плетню лыко́мъ же или паклею; а *пи́саные лапти* украшаются узорною подковыркою».

Подъ словомъ *рукобитье* собраны слѣдующія подробности свадебныхъ обычаевъ: «Битье по рукамъ отцевъ жениха и невѣсты, обычно покрывъ руки полами кафтановъ, въ знакъ конечнаго согласія; конецъ сватовства и начало свадебныхъ обрядовъ: помолвка, сговоръ, благословенье, обрученье, заручепье, большой пропой; мѣстами (*ярс.*) рукобитье бываетъ у отца жениха, гдѣ они ломаютъ пирогъ; но болѣе въ домѣ отца невѣсты, и тогда затѣмъ бываетъ еще другой сговоръ; въ такомъ случаѣ на *рукобитіи* опредѣляютъ *кладку* или *столовыя деньги*, отъ отца жениха, и приданое невѣсты, а на сговорѣ благословляютъ со священникомъ и вѣнчальными свѣчами; сама невѣста потчуетъ, раздаетъ дары, дѣвки величаютъ гостей и плачу нѣтъ. Черезъ день пиръ у жениха: *смотрятъ домъ или дворъ*; черезъ день пирушка у невѣсты, гости идутъ съ гостинцами; затѣмъ *дѣвичникъ*, гдѣ женихъ остается не долго, а уходитъ домой пировать съ товарищами. На *рукобитье* или на сговоръ ѣдутъ поѣздомъ: дьяконъ съ дружкой, священникъ съ женихомъ, тамъ поѣзжане, а послѣд-

нею сваха съ большимъ пряникомъ». Находя столько подробностей свадебныхъ обрядовъ подъ словомъ *рукобитье*, можно только пожалѣть, что онѣ не помѣщены предпочтительно подъ словомъ *сватьба*, гдѣ читатель ничего подобнаго не находитъ. Въ такомъ случаѣ при словѣ *рукобитье* достаточно было бы одной ссылки на слово *сватьбу*, къ которому конечно скорѣе обратится всякій, кто пожелаетъ ознакомиться съ этимъ отдѣломъ народныхъ обычаевъ.

Слово *домовой* объяснено у г. Даля слѣдующимъ образомъ: «Домовой, домовикъ, дѣдушка, постѣнъ, пóстень, ищунъ, доможилъ, хозяинъ, жаровикъ, нéжить, другая половина (*олон.*), сусѣдко, батанушка; духъ хранитель и обидчикъ дома; стучитъ и водится по ночамъ, проказитъ, душитъ, ради шутки, соннаго; гладитъ мохнатою рукою къ добру и пр. Онъ особенно хозяйничаетъ на конюшнѣ, заплетаетъ любимой лошади гриву въ колтунъ, а нелюбую вгоняетъ въ мыло и иногда *осаживаетъ* ее, разбиваетъ параличемъ, даже протаскиваетъ въ подворотню. Есть домовой *сараешникъ, конюшникъ, бáенникъ*, и женск. банный *волосатка*; все это *нежить* ни человѣкъ, ни духъ, жильцы стихійные, куда причисляютъ и полеваго лѣшаго, кикимору, русалокъ, (шутовокъ, лопастъ) и водянаго; но послѣдній всѣхъ злѣе и его нерѣдко зовутъ нечистымъ, сатаной. Домоваго можно увидать въ ночи на Свѣтлое Воскресенье въ хлѣву; онъ косматъ, но болѣе этой примѣты нельзя упомнить ничего; онъ отшибаетъ память». Затѣмъ слѣдуютъ поговорки.

Подобныя вещественныя толкованія въ словарѣ г. Даля относятся къ столь разнороднымъ предметамъ, что мы никакъ не можемъ взять на себя критической ихъ повѣрки: это потребовало бы особенныхъ розысканій, къ нашей задачѣ не относящихся; указываемъ только на тотъ обширный кругъ свѣдѣній о русскомъ народѣ, который охватилъ г. Даль въ своемъ словарѣ, а вмѣстѣ и на разнородность замѣтокъ, которыя онъ собралъ, изучая народный языкъ. Найдутся конечно и между ними многія, требующія поправокъ и дополненій; тѣмъ не менѣе однакоже самая масса ихъ, почерпнутая не изъ

книгъ, а изъ непосредственнаго общенія съ народомъ и изъ нагляднаго знакомства съ предметами, составляетъ уже дѣло чрезвычайно важное какъ въ лингвистическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ Собраніе такихъ указаній должно быть высоко цѣнимо какъ основаніе для дальнѣйшихъ розысканій и болѣе полныхъ, приведенныхъ въ систему свѣдѣній.

Мы бы могли сдѣлать еще множество выписокъ въ свидѣтельство того, какъ богатъ словарь г. Даля объясненіями разныхъ сторонъ жизни русскаго народа и русской природы; но предѣлы разбора заставляютъ насъ удовольствоваться предложенными примѣрами. Назовемъ лишь нѣсколько словъ, подъ которыми читатель можетъ самъ найти болѣе или менѣе подробныя и интересныя толкованія этого рода: баба (бабка), багренье, береза, бирка, бичева, бурлакъ, гвоздь, гряда, десятина, жало, замокъ, запѣвала, завѣщаніе, закромить, запой, изба, сайка, телега; дерево, бобръ, гора, горло, жало, лягушка, легкія, сыртъ, сусло, увалъ, учугъ; кладъ, кукушка, навье, нежить. Подъ словомъ *вѣтеръ* изчислены всѣ употребительныя въ Россіи названія вѣтровъ. Иногда къ толкованію слова, для большей ясности, присоединены чертежи. Такъ при словѣ *говядина* нарисованъ быкъ, съ означеніемъ названія каждой части его мяса. Такимъ же образомъ представлены въ своемъ мѣстѣ рисунки разныхъ сортовъ *шляпъ* и каждая форма отмѣчена свойственнымъ ей именемъ. Слово *грибъ* сопровождается обширною номенклатурою всѣхъ видовъ этого растенія; при объясненіи *дерева* показаны всѣ разнообразныя части его и употребительныя въ народѣ названія ихъ.

Относительно словъ, принадлежащихъ къ области ботаники и зоологіи, Отдѣленіе сочло нужнымъ просить гг. академиковъ Рупрехта и Шренка высказать свое мнѣніе о достоинствѣ словаря г. Даля по этимъ частямъ. Ф. И. Рупрехтъ отозвался, что, приготовляя самъ къ изданію собранныя имъ русскія народныя названія растеній, онъ часто съ пользою обращался къ разбираемому нами словарю и въ этомъ отношеніи долженъ отдать ему предпочтеніе предъ словаремъ Академіи, который, не имѣя въ

виду этой специальной цѣли, построенъ главнымъ образомъ на языкѣ литературномъ. Л. И. Шренкъ въ подробной запискѣ о зоологическихъ названіяхъ словаря, заявилъ, что несмотря на отысканные въ немъ пропуски и промахи, авторъ однакоже и съ этой стороны вообще заслуживаетъ одобреніе и благодарность.

Разсмотрѣвъ словарь съ разныхъ сторонъ, перейдемъ теперь къ общему о немъ заключенію. Хотя онъ и не отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ строго-ученой критики, однакожъ его богатое содержаніе, лексическое и вещественное, въ значительной мѣрѣ искупаетъ указанные недостатки. Собранныя г. Далемъ сокровища языка и ума народнаго даютъ цѣлую массу новаго матеріала не только для науки русскаго слова, но и для этнографіи. Въ послѣднемъ отношеніи заслуга автора уже публично засвидѣтельствована Географическимъ Обществомъ, присудившимъ ему за словарь Константиновскую медаль. Къ труду этому будутъ обращаться всѣ, кому нужно изучать съ какой бы ни было стороны народную жизнь; онъ долженъ также сдѣлаться настольною книгою всякаго, кто вдумывается въ родной языкъ, кто хочетъ короче узнать его богатства, а тѣмъ болѣе, кто трудится надъ изслѣдованіемъ его законовъ. Но словарь г. Даля—книга не только полезная и нужная, это — книга занимательная: всякій любитель отечественнаго слова можетъ читать ее или хоть перелистывать съ удовольствіемъ. Сколько онъ найдетъ въ ней знакомаго, роднаго, любезнаго, и сколько новаго, любопытнаго, назидательнаго! Сколько вынесетъ изъ каждаго чтенія свѣдѣній драгоцѣнныхъ и для житейскаго обихода, и для литературнаго дѣла. Въ современной русской лексикографіи это безъ всякаго сравненія самый полный и многообъемлющій словарь; притомъ это трудъ, задуманный смѣло и оригинально, выполненный самостоятельно. Совершеніе подобнаго труда, при всѣхъ его недостаткахъ, есть подвигъ важный, рѣдкій въ нашей литературѣ: давно уже у насъ не было такого обширнаго и вѣскаго по русскому языку сочиненія, которое могло бы идти въ сравненіе съ этимъ. Едва ли скоро можно ожидать подобнаго. Составленіе словаря есть во-

обще дѣло особенно трудное, менѣе другихъ видное и благодарное, требующее значительнаго самоотверженія, на которое по тому самому не многіе рѣшаются. Тѣмъ замѣчательнѣе такой трудъ, когда онъ ведется отъ начала до конца однимъ лицомъ, безъ сотрудниковъ и помощниковъ. Книга, которая въ настоящемъ случаѣ подлежитъ нашему суду, не есть, конечно, трудъ ученаго, стоящаго въ уровень съ современнымъ состояніемъ своей науки; но это трудъ мыслящаго писателя, который всего себя посвятилъ практическому изученію русскаго языка съ одной опредѣленной точки зрѣнія, въ виду одной ясно сознанной имъ цѣли; это — плодъ добросовѣстныхъ занятій цѣлой жизни. Автору не удалось обнять своего предмета со всѣхъ сторонъ; онъ не записной филологъ, не проникъ во всѣ тайны законовъ языка; но и то, что онъ сдѣлалъ для роднаго слова, останется почетнымъ памятникомъ его дѣятельности, навсегда сохранитъ значеніе въ исторіи русскаго языка и русской лексикографіи. Его словарь есть первый въ обширныхъ размѣрахъ опытъ построить разработку и употребленіе языка на новыхъ основаніяхъ. Множество поднятыхъ имъ вопросовъ должно быть поставлено г. Далю въ существенную заслугу; конечно, не всѣ они имъ самимъ удовлетворительно рѣшены; но и то уже важно, что онъ ихъ возбудилъ: подвергая ихъ общему обсужденію, онъ вызываетъ къ пересмотру того, что обратилось въ безсознательную привычку. Въ трудѣ г. Даля насъ поражаютъ два личныя достоинства автора, безъ которыхъ онъ не могъ бы и выполнить своей задачи: это прежде всего энергическая настойчивость и упорное постоянство въ преслѣдованіи цѣли, не только при окончательномъ осуществленіи плана, но и при подготовительномъ, многолѣтнемъ собираніи матеріаловъ. Другимъ важнымъ условіемъ для совершенія такого обширнаго труда было скромное сознаніе авторомъ мѣры своихъ силъ и той доли пользы, какую онъ могъ принести русскому слову. «Всего одному не дано», говоритъ онъ въ *Напутномъ словѣ*, «да и не обнять, а дана всякому своя часть, свой талантъ, который онъ и обязанъ пускать въ оборотъ, а не зары-

вать, вмѣстѣ съ собою, въ землю... Найдутся болѣе даровитые и ученые труженики, коимъ уже легче будетъ дополнить то, чего недостаетъ, найдя одну часть дѣла готовою. Можетъ быть, именно тотъ, кто успѣшно введетъ въ рускій словарь сравненія со всѣми славянскими наречіями, кто вставитъ и нашъ древній языкъ и указанія на начальные корни, можетъ быть онъ-то именно и затруднился бы составленьемъ той части, которая образуетъ основу и сущность моего словаря; во всякомъ же случаѣ дополнять и исправлять полегче, чѣмъ составлять вновь» [1]). Такимъ образомъ самъ г. Даль прямо высказалъ свое убѣжденіе, что главное достоинство его словаря заключается въ богатствѣ представляемаго имъ матеріала. Замѣчая, что собранные имъ издавна запасы давали ему право или, вѣрнѣе, налагали на него обязанность и безъ достаточной учености, предпринять такой трудъ, авторъ прибавляетъ, что рядомъ съ тѣмъ нашлось у него «сильное сочувствіе къ живому рускому языку, какъ ходитъ онъ устно изъ конца въ конецъ по всей нашей родинѣ и нѣкоторое пониманіе его, близкое съ нимъ знакомство, могущее, хотя въ одномъ этомъ направленіи, замѣнить ученость; нашлась наконецъ и любовь къ нему, ручавшаяся за одолѣніе труда, за стойкую, усидчивую работу надъ этимъ дѣломъ, по конецъ жизни [2])». Эту горячую любовь къ русскому языку г. Даль убѣдительно доказалъ своимъ послѣднимъ трудомъ. И самая идея, положенная въ основу его, хотя въ проведеніи ея авторъ не уберегся отъ нѣкоторыхъ увлеченій, заслуживаетъ полнаго нашего сочувствія; къ тому же она и вполнѣ современна: въ такую пору, когда русскій народъ, освобожденный по великодушному слову своего Государя, начинаетъ жить новою жизнью и сознавать свои духовныя потребности, — какъ кстати воздвигается хранилище его словесныхъ богатствъ, какъ во-время собиратель ихъ напоминаетъ намъ, что мы слишкомъ удалились отъ естественныхъ источниковъ рѣчи, и, предостерегая насъ отъ дальнѣйшихъ въ этомъ смыслѣ уклоненій, указываетъ

[1]) Сл., ч. I, стр. IV — V.
[2]) Сл., ч. I, стр. IV.

намъ на чистый и здравый родникъ языка народнаго, который, по его словамъ, «силенъ, свѣжъ, богатъ, кратокъ и ясенъ». Такое ученіе совершенно согласно съ желаніемъ Ломоносова возбудить «ревность тѣхъ, которые къ прославленію отечества природнымъ языкомъ усердствуютъ, вѣдая, что съ паденіемъ онаго безъ искусныхъ въ немъ писателей затмится слава всего народа» [1]. Не случайно произносится здѣсь имя перваго законодателя нашей письменности. Мы знаемъ, какъ пламенно онъ любилъ русскій языкъ, съ какимъ восторгомъ говорилъ о немъ: «Повелитель многихъ языковъ, языкъ Россійскій не только обширностью мѣстъ, гдѣ онъ господствуетъ, но купно и собственственнымъ своимъ пространствомъ и довольствіемъ великъ предъ всѣми въ Европѣ... Ежели чего точно изобразить не можемъ, — не языку нашему, но недовольному своему въ немъ искусству приписывать долженствуемъ. Кто отчасу далѣе въ немъ углубляется, употребляя предводителемъ общее философское понятіе о человѣческомъ словѣ, тотъ увидитъ безмѣрно широкое поле или, лучше сказать, едва предѣлы имѣющее море [2])». Въ разсмотрѣнномъ словарѣ мы видимъ смѣлую попытку охватить это безбрежное море русскаго слова. Можно съ увѣренностью сказать, что никакой другой трудъ не былъ бы привѣтствованъ самимъ Ломоносовымъ съ такою задушевною радостью, какъ именно словарь, поставившій себѣ задачей обнять все неисчерпаемое богатство роднаго языка и содѣйствовать къ чистотѣ его. И потому награда, учрежденная въ честь великаго русскаго ученаго для увѣнчанія трудовъ, обогащающихъ науку, по всей справедливости должна выпасть на долю словаря, направленнаго къ обозначенной цѣли. Отдѣленіе русскаго языка и словесности тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ присуждаетъ ее нынѣ, что думаетъ принести этимъ новую дань уваженія памяти Ломоносова. Академія Наукъ ничѣмъ инымъ не могла бы лучше выразить своего одобренія заслуженному ветерану нашей литературы, неутомимому подвижнику и собирателю живаго русскаго слова.

[1]) *Соч. Лом.*, т. I, стр. 533—4.
[2]) Тамъ же, т. III, стр. 250.

